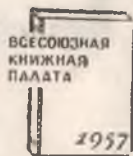

76
С50

Ник СМИРНОВ-СОКОЛЬСКИЙ

КНИЖНАЯ ЛАВКА А. Ф. СМЕРДИНА

ВСЕСОЮЗНАЯ
КНИЖНАЯ
ПАЛАТА

1957

Портрет А. Ф. Смирдина, приложенный к «Сборнику литературных статей памяти А. Ф. Смирдина». Т. I. Сиб. 1858.

Министерство культуры СССР
ВСЕСОЮЗНАЯ КНИЖНАЯ ПАЛАТА

Ник. СМИРНОВ-СОКОЛЬСКИЙ

К столетию со дня смерти издателя-книгопродавца
А. Ф. Смирдина
(1795—1857—1957)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВСЕСОЮЗНОЙ КНИЖНОЙ ПАЛАТЫ
Москва 1957

76
С 50

Редактор Ю. И. Масанов
Технический редактор С. Н. Соловьев

Сдано в набор 9/IX 1957 г.
Подписано к печати 9/X 1957 г.
Ш08889 5 печ. л. Уч.-изд. 5,3 л.
формат 60×92/16. Тираж 10 000 экз.
Цена 2 р. 20 к. Заказ 393
Издательство Всесоюзной книж. палаты.
Москва, Брюсовский пер., 8/10.

Экспериментальная тип. ВНИИППИТ.

43 ЦЕНТРАЛЬНАЯ
ГОРОДСКАЯ БИБЛИОТЕКА

бюджетное учреждение

ОТ АВТОРА

Настоящая работа была подготовлена в качестве доклада для сотрудников Всесоюзной книжной палаты на вечере, посвященном памяти А. Ф. Смирдина, в ознаменование столетия со дня его смерти, исполнившегося 28 сентября 1957 года.

Необходимость в сжатой и популярной форме осветить основные факты жизни и деятельности замечательного русского издателя, книгопродавца и библиографа продиктовала принципы построения и скромные задачи этого очерка.

До настоящего времени единственной книгой, в какой-то мере специально посвященной А. Ф. Смирдину, является работа Т. Грица, В. Тренина и М. Никитина «Словесность и коммерция», выпущенная издательством «Федерация» в 1929 году под редакцией В. Б. Шкловского и Б. М. Эйхенбаума. Книга эта отнюдь не носила монографического характера. Принятый тогда «Опоязом» («Обществом изучения теории поэтического языка») совершенно особый подход к явлениям истории литературы был сведен авторами указанной книги к весьма своеобразной задаче: «рассредоточить Смирдина по эпохе». Это привело к тому, что сегодня книгу «Словесность и коммерция» можно рассматривать всего лишь как собрание различных и, порой, очень ценных фактических данных.

Подробная библиография многочисленных статей, высказываний (часто противоречивых) и заметок о Смирдине, разбросанных по книгам, газетам и журналам, до сего времени отсутствует. Между тем имя А. Ф. Смирдина настолько весомо вошло в литературный быт времени, что нет почти ни одного периодического издания, ни одних мемуаров, или переписки современников, в которых оно бы не упоминалось.

Начиная с В. Г. Белинского, посвятившего Смирдину несколько больших статей, о нем писали и говорили А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, П. А. Вяземский, В. А. Жуковский и многие другие писатели и журналисты, как современной ему, так и более поздней поры. Разумеется, и в работах советских литературоведов, писателей и библиографов весьма часто фигурирует имя

А. Ф. Смирдина. Не мало совершенно необследованных материалов находится и в рукописных фондах.

Составить библиографический указатель всему этому — нужнейшая работа, отсутствие которой крайне затрудняет дать исчерпывающую характеристику деятельности Смирдина.

У нас нет также библиографического перечня изданий, осуществленных Смирдиным. Составленный нами краткий выборочный список главнейших литературных изданий Смирдина, его серии «Полного собрания сочинений русских авторов», сборников, альманахов, журналов и газет им изданных, носит лишь иллюстративный характер. В списке отсутствуют научные издания Смирдина, изданные им многочисленные переводы произведений иностранных писателей и некоторые другие издания.

Настоящий очерк дает представление лишь о главнейших этапах многополезной деятельности замечательного русского издателя, книгопродавца и библиографа.

Имя Александра Филипповича Смирдина заслуживает и ждет всестороннего, подробного и научного изучения.

Ник. Смирнов-Сокольский

1. «СМИРДИНСКИЙ ПЕРИОД РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ»

— «И так я насчитал четыре периода нашей словесности: *ломоносовский, карамзинский, пушкинский и прозаическо-народный*; остается упомянуть еще о пятом, который начался с появления на свет первой части *Новоселья* и который можно и должно назвать *смирдинским*. Да — милостивые государи — я совсем не шучу и повторяю, что этот период словесности непременно должно назвать *смирдинским*, ибо А. Ф. Смирдин является главой и распорядителем сего периода».

Так, полушутя-полусерьезно, писал об А. Ф. Смирдине в 1834 году В. Г. Белинский в своих «Литературных мечтаниях»¹. Несколько иронический тон Белинского объясняется борьбой литературных группировок того времени.

Книжная лавка Смирдина, смирдинское «Новоселье», журнал Смирдина «Библиотека для чтения», «Роспись российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина» — кому из грамотных советских людей не знакомы эти названия?

Я применил старомодное понятие «грамотных советских людей», забыв на мгновение, что неграмотных советских людей сегодня не существует. Журнал «Курьер Юнеско», выходящий на нескольких языках, в том числе и на русском, в февральском номере 1957 года напечатал статью, озаглавленную «Советский Союз на первом месте по выпуску книг и переводам». Приводимые журналом цифровые данные о количестве изданных в СССР названий книг за один год поразительно велики, цифры же за 38 лет с 1918 по 1955 просто астрономические. В 1955 году было выпущено 54.732 названия книг, тиражом свыше одного миллиарда экземпляров. Для сравнения стоит напомнить, что в Англии за этот же год было выпущено 19.962 названия, в США — 12.589, а во Франции — 11.793 названия, значительно меньшими тиражами.

У советских людей имеются все основания гордиться культурным ростом своей страны. С той же целью сравнения можно привести и такие цифры: за десятилетие с 1855 по 1864 год

в царской России было выпущено всего 16.380 названий книг, что, кстати сказать, превышало продукцию русского печатного станка за весь 18-й век почти в полтора раза.

В 1825 году было издано книг всего 575 названий². В последующие годы наблюдается рост в выпуске книг. Большую роль в развитии книгоиздательского дела в 1830—1840-е годы сыграл А. Ф. Смирдин.

«Смирдинский период» в истории развития книжного дела в стране совпал с «золотым веком» русской литературы. Писали: Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Жуковский, Крылов, Баратынский, Веневитинов, Дельвиг, Вяземский, Кольцов и многие другие. По словам Белинского это была пора «когда появлялся талант за талантом, поэма за поэмой, роман за романом, журнал за журналом, альманах за альманахом»³.

Активно действовали и писатели реакционного лагеря. В какой-то мере об этом говорит эпиграмма, которая почти достоверно приписывается Пушкину:

«К Смирдину как ни зайдешь,—
Ничего не купишь.
Иль Сенковского найдешь,
Иль в Булгарина наступишь»⁴.

Фаддей Булгарин — редактор «оффициоза» того времени — «Северной пчелы», доносчик, агент Третьего отделения, автор известного в свое время лубочного романа «Иван Иванович Выжигин», издание которого в 1829 году принесло Смирдину первый материальный успех. О. И. Сенковский («Барон Брамбеус») — не лишенный таланта, но крайне беспринципный писатель, был редактором смирдинского журнала «Библиотека для чтения». Соратником их считался небезызвестный Н. Греч, третий член так называемого «Журнального триумvirата», игравшего в то время большую роль в судьбах литературы⁵. Под влияние этих дельцов попал честный и простодушно-доверчивый А. Ф. Смирдин. Именно они впоследствии способствовали его разорению.

Ничто, однако, не умаляет огромных заслуг А. Ф. Смирдина в истории русского книгоиздательства. Об этих заслугах правдиво и подробнее всех рассказывает В. Г. Белинский, подчеркивая демократические тенденции книгоиздателя.

«Имя издателя, книгопродавца г. Смирдина,— писал он,— давно уже приобрело на Руси общую известность и общую доверенность. В глазах русской публики г. Смирдин давно уже не принадлежал к числу обыкновенных торгашей книгами... Нет, русская публика видела в г. Смирдине книгопродавца на европейскую ногу, книгопродавца с благородным самолюбием, для которого не столько было важно нажиться через книги, сколько слить свое имя с русской литературой, внести его в ее летописи»⁶.

ИВАНЪ ВЪЖИГИНЪ.

САНКТЪ ПЕТЕРБУРГЪ

1829

Ф. Булгарин. «Иван Выжигин». Спб., изд. А. Смирдина, 1829. Фронтиспис.
Рис. А. Нотбек. Грав. С. Ф. Галактионов.

Главнейшей заслугой Смирдина Белинский считал издание сочинений русских классиков и сочинений современных писателей не только опрятно и красиво в типографском отношении, но, что важнее всего, «по цене доступной для небогатых людей». Этим, по мнению Белинского, «он произвел решительный переворот в русской книжной торговле и, вследствие этого, в русской литературе».

Второй чрезвычайно важной заслугой Смирдина Белинский считал издание каталога обширной смирдинской библиотеки, которая за умеренную плату выдавала книги для чтения на дому всем желающим. Отмечая существенные недостатки этой известной «Росписи российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина, систематическим порядком расположенной» (Спб., 1828, с последующими более поздними прибавлениями), Белинский, вместе с тем, не мог не назвать это издание «настойной ручной книгой в кабинете каждого литератора». Кстати, труд этот и сегодня не утратил своего значения.

Третьей заслугой Смирдина было издание журнала «Библиотека для чтения». «Появление этого журнала,— писал Белинский,— истинная эпоха в русской литературе. До него наша журналистика существовала только для немногих, только для избранных, только для любителей, но не для общества».

Но не только в этом Белинский видел значение журнала Смирдина. «Бывало журнал,— писал он,— мог не только держаться, но и доставлять выгоды своему издателю при каких-нибудь трехстах подписчиках, а при пятистах — журнал считался богачом. И не мудрено: издатель его тратился только на бумагу и печать». И действительно, до Смирдина литературный труд считался забавой, почти не оплачивался. Писатели творили «для души». Меценаты «жаловали» их табакерками или перстнями. Слова Пушкина «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать» еще не принимались всерьез, считались шуткой поэта.

«Но, все, вдруг, изменилось,— отмечал Белинский,— с появлением журнала г. Смирдина: за статьи установилась плата, литературный труд сделался капиталом».

И Белинский высоко оценивал эту профессионализацию писательского труда, смело введенную Смирдиным в практику своей книгоиздательской деятельности. Смирдин заплатил Крылову сорок тысяч рублей, неслыханную для того времени цифру, за десятилетнее право издания его басен. Пушкину он платил по червонцу за строчку. Редактор смирдинского журнала «Библиотека для чтения» О. И. Сенковский стал принимать посетителей в роскошном кабинете.

А. Ф. Смирдин издал произведения более семидесяти русских писателей, в числе которых должно упомянуть Державина, Карамзина, Крылова, Жуковского, Пушкина, Гоголя, Лермон-

И. А. Крылов. «Басни». Спб., изд. А. Смирдина, 1834. Фронтис-
пис. Иллюстрация к басне «Василек» — портрет И. А. Крылова.
Рис. А. П. Сапожников

това, Бестужева-Марлинского и многих других. Более чем на три миллиона золотом выпустил он печатной продукции, заплатив писателям гонорара около полутора миллиона! Для своего времени — это поразительные цифры.

Александр Филиппович Смирдин родился 21 января 1795 года в семье московского мещанина, мелкого торговца полотном, Филиппа Сергеевича Смирдина. Для обучения грамоте он был отдан местному дьячку, показав за три года обучения немалые свои способности и любознательность. Отец Смирдина, не имея возможности, по недостатку средств, дать

сыну дальнейшее образование, не пустил, однако, его по своей «полотняной части», а отдал, как тогда говорили, в «мальчишки», в лавку московского книгопродавца Ильина. Юному Смирдину полюбилось книжное дело и он за короткое время добился положения приказчика. Война 1812 года положила конец его работе у Ильина.

Патриотическое желание молодого Смирдина поступить в московское ополчение по ряду причин не могло осуществиться и он, почти накануне вступления Наполеона в Москву, пешком пробирается в Петербург. Здесь состоялось его знакомство с известным петербургским книгопродавцом Василием Плавильщиковым, братом знаменитого русского актера и драматурга Петра Плавильщикова. Знакомство это сыграло решающую роль в жизни Смирдина.

Вернувшись в 1813 году в Москву, Смирдин четыре года служит у книгопродавца Ширяева, а в 1817 году вызывается Плавильщиковым в Петербург на должность главного приказчика его книжной торговли.

Так началась петербургская жизнь Александра Филипповича Смирдина. Своей честностью, преданностью и любовью к книге Смирдин настолько очаровывает Плавильщикова, что тот, умирая (15-го августа 1823 года), оставляет духовное завещание, по которому предоставляет Смирдину за его честную службу право купить весь книжный товар и библиотеку по той цене, по какой ему будет угодно.

Добросовестный Смирдин вызвал всех книгопродавцев, чтобы оценить книги и потом сам уже назначил цену дороже всех.

Эта, несколько идиллическая версия, рассказанная современниками, должна быть поправлена тем, что книжная торговля и библиотека Плавильщикова была обременена долгами, и только доброе имя Смирдина, вызвавшее доверие у кредиторов, могло ему стать хозяином предприятия по-существу без копейки денег. Смирдин был явно талантлив, с практической, чисто пародной смекалкой, которая и была его основным капиталом.

Кое-как оперившись на издании упомянутого раньше романа Фаддея Булгарина «Иван Выжигин», Смирдин ликвидирует книжную лавку Плавильщикова у Синего моста и переезжает в роскошное помещение на Невском проспекте, в правый флигель Петровской церкви. Здесь разместились его весьма обширная библиотека для чтения и книжная лавка, которая вскоре сделалась своего рода модным литературным салоном Петербурга. Здесь и начался «смирдинский период российской словесности».

Переезд в новое помещение Смирдин ознаменовал устройством 19-го февраля 1832 года новоселья — пышного обеда, которым он сделал первую попытку объединить русских литераторов всех направлений. Были приглашены Пушкин и Булгарин, Жуковский и Греч, Гоголь и Воейков, Вяземский и Хво-

стов, Одоевский и Языков и многие другие. Весь неравноценный цвет тогдашней литературы.

Внешне все было необычайно торжественно. Было пито за здоровье хозяина, а потом последовали тосты за Дмитриева, Крылова, Пушкина, Вяземского и прочих, за отсутствующих Гнедича, Шишкова, Батюшкова. Иван Андреевич Крылов предложил почтить память отошедших к покою писателей: Кантемира, Ломоносова, Сумарокова, Фонфизина, Державина, Грибоедова и Карамзина. Крыловым же был поднят тост «за здоровье московских литераторов».

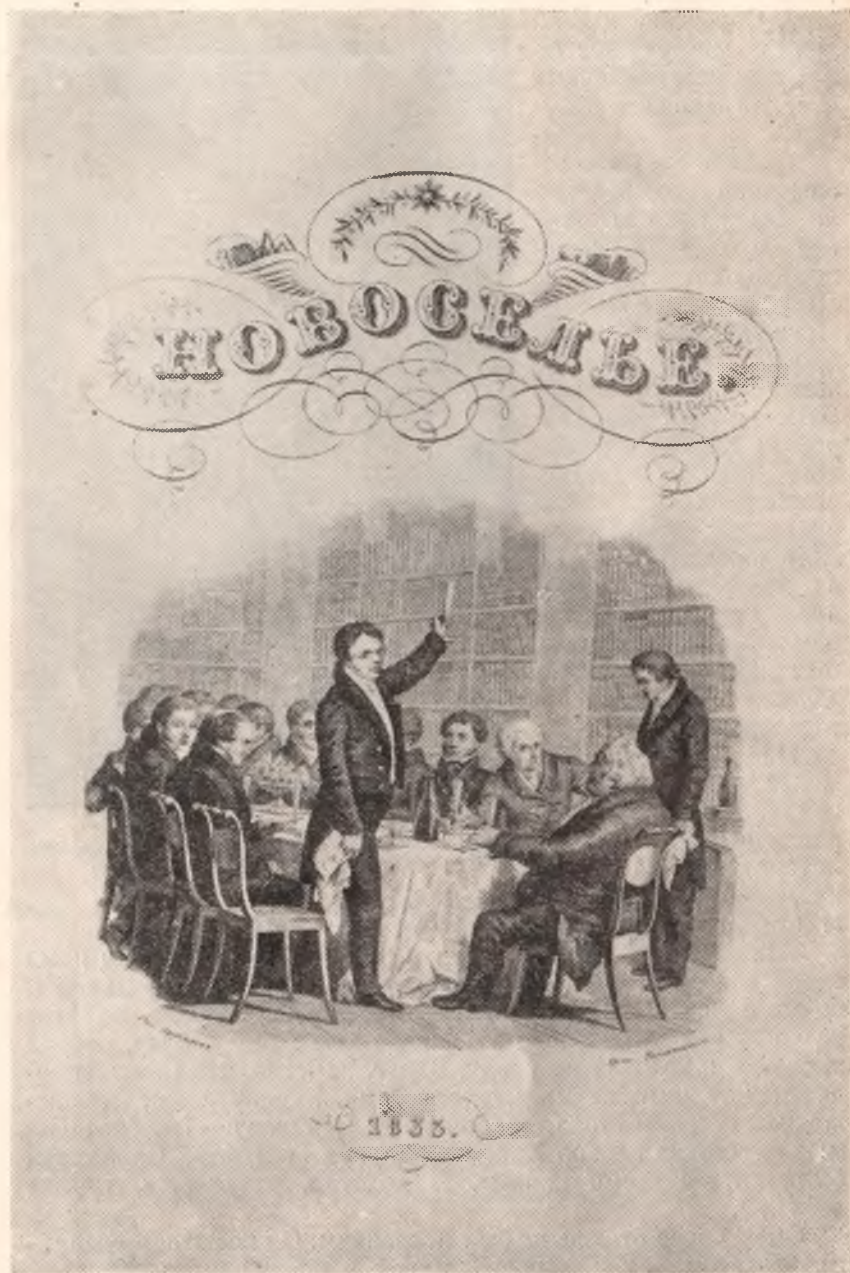
На обеде обнаружился и антагонизм, существовавший между различными лагерями литературы. Об одном инциденте рассказывает Н. Греч, соратник пресловутого Ф. Булгарина:

«Нам с Булгариным довелось сидеть так, что между нами сидел цензор Василий Николаевич Семенов, старый лицеист, почти однокашник Александра Сергеевича. Пушкин на этот раз был как-то особенно в ударе, болтал без умолку, острил преловко и хохотал до упаду. Вдруг, заметив, что Семенов сидит между нами, двумя журналистами..., крикнул с противоположной стороны стола, обращаясь к Семенову: «Ты, брат Семенов, сегодня словно Христос на горе Голгофе». Слова эти были тотчас всеми поняты. Я хохотал, разумеется, громче всех...»⁷.

Смех Греча отнюдь не был искренним. Он поспешил сделать то, что называется «хорошей миной в плохой игре». Христос, по легенде, был распят на Голгофе между двумя разбойниками. Именно разбойниками и назвал Пушкин Греча и Булгарина. Назвал публично — какой уж тут смех!

И. А. Крылов. «Басни». СПб., изд. А. Смирдина, 1835. Литографированная обложка.

Обед у А. Ф. Смирдина по поводу новоселья. Визетка из сборника «Новоселье»,
Спб., 1833. Рис. А. Брюлов. Грав. С. Ф. Галактионов.

Так или иначе, но современники правильно отмечали новоселье у Смирдина, как крупное событие в литературной жизни. Таким же событием было и издание Смирдиным двухтомного сборника «Новоселье» (1833—1834 гг.), в котором он напечатал сочинения литераторов, присутствовавших на обеде. По-существу эти два тома явились пробными номерами задуманного и вскоре осуществленного им журнала «Библиотека для чтения», сыгравшего огромную роль в развитии русской журналистики.

Однако художественное и литературное значение «Библиотеки для чтения» было недолгим. Простодушные надежды Смирдина на возможность объединения русских литераторов не оправдались. Пропасть между прогрессивным лагерем литературы и ее реакционной частью становилась все глубже и глубже. Смирдин искренно любил русскую литературу, но не обладал достаточным образованием, чтобы разобратся в сложных литературных течениях. Он не понимал, не видел границы, которая отделяет подлинных художников слова от тех, кого именовали «мошенниками пера, разбойниками печати». А именно они-то, во главе с Булгаринным, Гречем и Сенковским, все больше и больше затягивали Смирдина в свои сети, безжалостно разоряя и дискредитируя его издательские начинания.

Если тридцатые годы можно назвать расцветом книжной торговли, то примерно начало сороковых годов называют эпохой резкого ее упадка. Дела Смирдина пошатнулись. Ни сборники, изданные русскими литераторами в его пользу, ни устройство книжной лотереи, разрешенной ему правительством, ни задуманное и выполненное им издание грандиозной серии «Полного собрания сочинений русских авторов» по рублю за том, не спасли Смирдина от экономической гибели.

Тяжелые материальные обстоятельства и следующие одна за другой неудачи подорвали здоровье Александра Филипповича и в 1857 году он умер почти в нищете.

Советские люди не могут не оценить огромных заслуг Смирдина, честнейшего и безкорыстного друга русской книги, издания и распространению которой он отдал жизнь. Постановлением Ленинградского Совета депутатов трудящихся на доме, где была его книжная лавка, устанавливается мемориальная доска. Существует проект освободить помещение, в котором находились библиотека и магазин Смирдина, для устройства в нем «Книжной лавки советских писателей имени Александра Смирдина». Предполагают восстановить эту лавку такой, какой видели посещавшие ее Пушкин и Белинский.

Это будет прекрасным памятником замечательному русскому книгоиздателю.

2. СМЕРДИН В ДЕЛЕ И В ЖИЗНИ

Современники отмечают, что Александр Филиппович Смирдин «с лица был человек постоянно серьезный, как говорится, сосредоточенный, никогда не видали его смеющимся или даже улыбающимся, чрезвычайно привязанный к своему делу и трудолюбивый до смешного. Бывший приказчик его (впоследствии книжный торговец) Федор Васильевич Базунов, рассказывал, что Александр Филиппович подчас своей ненужной деятельностью очень надоедал приказчикам и мальчикам. Обыкновенно большая часть книжных торговцев не выходила в свои лавки торговать по воскресеньям, он же приказывал отпирать свой магазин и в воскресенье»⁸.

Внешняя суровость Смирдина и его огромное трудолюбие объясняются тяжелой школой, которую прошел в юности сам издатель. Владелец книжной лавки в Москве П. А. Ильин, к которому привели «в ученье» Александра Смирдина, доводился ему дядей. Это вовсе не скрасило начало его деятельности. Юный Смирдин выполнял все обязанности «мальчика»: бегал в трактир за кипятком, к саечнику за сайками, подметал лавку, стряхивал пыль с книг.

Лавка Ильина даже отдаленно не напоминала того «литературного салона», который впоследствии открыл Смирдин в Петербурге на Невском. Она помещалась в амбаре, с раствором на улице, не закрывавшимся и зимой. Можно предположить, что торговал Ильин, главным образом, лубочной литературой, среди которой почетное место занимали «История Ваньки Каина», «Повесть о приключениях английского милорда Георга» и другие творения «Жителя города Москвы» — Матвея Комарова.

Мальчик Смирдин не был похож на своих сверстников. Он не участвовал в их забавах, а проводил время в чтении книг. В конце-концов дядя, уверившись в трудолюбии и смекалке племянника, делает его своим приказчиком.

Мы уже знаем, что наступивший 1812 год заставил Смирдина бежать из Москвы. Подробности этого бегства таковы: «...тогдашнее положение отечества возбудило в нем, как и во

многих других молодых людях того времени, патриотическое чувство. Он вздумал идти в ряды московского ополчения, но не мог исполнить этого, потому что наплыв желающих был так велик, что Смирдин в течение нескольких дней не мог добиться до места набора, будучи измят толпой до нездоровья. Последнее обстоятельство и вид некоторых встречавшихся ему ополченцев, дурно одетых и вооруженных пикую и топором, охладили его пыл и он решил было возвратиться к своим занятиям, но вследствие скорого затем занятия французами Москвы должен был с большей частью населения бежать из нее, и за отсутствием всяких средств на поездку, пешком отправился в Петербург. Обокраденный дорогой во время сна и едва не убитый, он кое-как, Христовым именем, добрал до Петербурга...»⁹.

Во время краткого своего пребывания в Петербурге Смирдин встречается с В. А. Плавильщиковым, имевшим издательское и книгопродавческое дело в столице. Плавильщикову понравился угрюмый на вид юноша и он правильно угадал в нем будущего помощника, а впоследствии и приемника всего своего дела.

Однако Смирдин после освобождения Москвы от неприятеля возвращается обратно в свой родной город и целых четыре года служит у книгопродавца А. С. Ширяева. Торговля последнего была классом выше торговли дяди Смирдина—П. А. Ильина, дело которого было, повидимому, убито наполеоновским нашествием.

Только в 1817 году В. А. Плавильщиков находит возможным выписать молодого Смирдина в Петербург и сделать его своим главным приказчиком. С этого времени Плавильщиков уже не расстаётся со Смирдиным до самой своей смерти, последовавшей в августе 1823 года.

Если у Ильина молодой Смирдин получил начальное книготорговое образование, на службе у Ширяева — среднее, то у Плавильщикова он заканчивает своеобразный книготорговый университет.

Василий Алексеевич Плавильщиков был одним из просвещеннейших деятелей своего времени. Брат известного актера и писателя 18-го века Петра Плавильщикова, он с конца 90-х годов переехал из Москвы в Петербург, где открыл книжную торговлю и арендовал сначала губернскую, а затем театральную типографию, организованную ранее его братом Петром вместе с И. А. Крыловым, актером И. А. Дмитревским и писателем А. И. Клушиным. Типография в конце 18-го века носила название «Типография Крылова с товарищи». На преемственность дел этой типографии Василием Плавильщиковым от брата Петра указывает советский литературовед С. М. Бабинцев, нашедший в бумагах Смирдина любопытнейшее «условие», заключенное между собой Крыловым и указанными его компаньонами¹⁰.

То, что «условие» это нашлось в бумагах Смирдина, неудивительно, так как мы уже знаем, что Смирдин по завещанию, после выполнения некоторых материальных обязательств, стал полным наследником дел Василия Плавильщикова.

В это же время в Петербурге находился вошедший уже в большую славу и силу Иван Андреевич Крылов, связь которого с делами братьев Плавильщиковых не прерывалась. Можно предположить, что И. А. Крылов оказал неофициальную поддержку наследнику Плавильщикова — Смирдину на первых порах его книгоиздательской деятельности. Вопрос, затронутый С. М. Бабинцевым, чрезвычайно интересен и, при дальнейшем изучении, может совершенно по новому осветить некоторые факты из биографий и великого баснописца И. А. Крылова и издателя А. Ф. Смирдина.

За время с 1807 по 1823 год в типографии В. Плавильщикова было напечатано 227 книг. Его типографское и издательское дело для своего времени было довольно значительным. Не получив систематического образования, но «одарен будучи от природы любовью к изящному», Плавильщиков любил науки и любил книги. Желая пополнить свое образование, он начал собирать библиотеку еще в Москве, сначала для себя лично, а потом в 1815 году, уже в Петербурге, открыл ее для пользования всем желающим. При библиотеке была и его книжная лавка. В ней сходились ученые и литераторы, знакомились с новыми журналами, делали выписки, назначали свидания друг с другом.

А. Ф. Смирдин свято чтит память своего учителя и, став владельцем его предприятия, пошел теми же дорогами. Он так же стремился поддерживать связь с литераторами, так же заботился, чтобы его лавка и библиотека были своего рода «клубом писателей». Значительно увеличив библиотеку, он поспешил составить ей подробную «Роспись». Одновременно он все шире и шире развешивал издательское дело.

Будучи смелее Плавильщикова, несомненно талантливее его, Смирдин намного превзошел своего учителя. Место, которое занял А. Ф. Смирдин в истории русского издательского дела, книготорговли, журналистики и библиографии, — неизмеримо выше и значительнее.

В одной из статей, посвященных его памяти, говорится: «Имя этого старика гремело по всей России и пользовалось почти безусловным уважением: простой книжник — имел вес в литературе, простой книжник — с глубоким искренним уважением ценил труд ума и с твердой уверенностью считал его богатым капиталом»¹¹.

Одновременно рассказывают, что «писал он довольно неправильно, с большими орфографическими ошибками, во внутреннее содержание книг, предлагаемых ему для издания, никогда не входил, довольствуясь объяснением автора»¹². Последнее не совсем верно. Смирдин скорее многих других

СОЧИНЕНИЯ Державина

Часть Третья.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

1831.

Г. Р. Державин. «Сочинения». Спб., изд. А. Смирдина, 1831. Фронтиспис
3-й части. Рис. А. Брюлов. Грав. И. Чесский.

умел угадывать нужный материал для издания. Повод думать, что он не интересовался содержанием книг, давал его величайший такт по отношению к авторам. Имя литератора для Смирдина было священным именем и он не мыслил, что литераторы способны его обмануть. Жизнь множество раз жестоко разочаровывала его в этом. П. В. Анненков в своих «Литературных воспоминаниях» (Спб., 1909) пишет: «Когда Смирдин рассказывал мне этот пассаж (речь шла об очередном обмане его Булгариным. — Н. С.-С.) усталые воспаленные глаза его налились слезами, голос задрожал. «Я напишу свои записки, я напишу «Записки книгопродавца!» — бормотал он». Смирдин так и не написал своих записок. Но что нового мог он рассказать в них о людях, которым история все равно отвела место на задворках литературы?

О том, как сам Смирдин относился к нуждам литераторов, немало рассказывают современники. Два таких рассказа кажутся чрезвычайно характерными.

Первый из них — рассказ В. Т. Плаксина из его очерка «Голос за прошедшее» таков: «Однажды профессор философии Галич приходит ко мне и, между прочим, с озабоченным видом говорит: Есть у меня заветная идея: я хотел бы написать книжонку, правда, довольно плотную, в виде введения к истории человечества, да боюсь напрасно время потерять.

— Отчего же вы так думаете?

— Ведь книжечка, я тебе говорю, выйдет толстая.

— Ну и что же?

— Как что-ж? Что я стану делать с нею? Я не могу напечатать ее без денег.

— Эх, вы наш Сократ (так мы все бывшие его слушатели обыкновенно звали), — а на что ж бог нам послал Александра Филипповича?

— И то правда; да совестно, ведь к нему все лезут; однако, пойду засяду работать.

Сказано — сделано. Книга эта — «Картина человека» — Галичем написана, Смирдиным напечатана; а впоследствии Академия наук присудила сочинителю демидовскую премию¹³.

Смирдин пестовал литераторов, помогал им. Только после его смерти поняли, что «при нем не существовало... затруднений к изданию какой-либо полезной книги, каждая могла быть напечатана и иметь верный сбыт.

Он предлагал или напечатать на его иждивении, с выручкой затраченной на издание суммы из продажи самой книги, или, если книга была напечатана, покупал издание ее вполне или частью и сам раздавал ее другим книгопродавцам на безусловный кредит¹⁴.

Не думая и не заботясь о себе, Смирдин смело пускался в любое издательское предприятие, если видел в нем пользу любимой им литературе.

ДѢТСКІЙ
ДРАМАТИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Съ картинкою.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СМІРДИНА
1829.

«Детский драматический вестник». Спб., 1829. Титульный лист журнала.
изд. А. Смирдина.

Старый баснописец и романист Александр Ефимович Измайлов еще на заре деятельности Смирдина написал ему такое «послание»:

«Любезный, честный наш Смирдин,
Питомец книжников почтенных, благородных.
Оракулов негодных
И песенников ты ни с кем не составлял,
Одни хорошие лишь книги издавал,
И литераторам не делал притеснения;
На обхожденье ты и на платеж хорош:
Попросишь у тебя, ты и вперед даешь;
Учтив, радушен, добр, любитель просвещения,
Гостинодворских нет ухваток у тебя,
И благородно ты ведешь себя, —
Достоин, право, ты достоин уваженья!»¹⁵.

Второй рассказ об отношении Смирдина к писателям принадлежит перу Авдотьи Панаевой. В своих «Воспоминаниях»¹⁶ она пишет: «Панаеву понадобилась какая-то старая книга и мы зашли в магазин Смирдина. Хозяин пил чай в комнате за магазином, пригласил нас туда и пока приказчик отыскивал книгу, угощал чаем; разговор зашел о жене Пушкина, которую мы только что встретили при входе в магазин.

— Характерная-с, должно быть, дама-с, — сказал Смирдин. — Мне раз случалось говорить с ней... Я пришел к Александру Сергеевичу за рукописью и принес деньги-с; он поставил мне условием, чтобы всегда платил золотом, потому что их супруга, кроме золота не желает брать других денег в руки. Вот-с Александр Сергеевич мне и говорит, когда я вошел-с в кабинет: Рукопись у меня взяла жена, идите к ней, она хочет сама видеть вас — и повел меня; постучались в дверь; она ответила: Входите. Александр Сергеевич отворил двери, а сам ушел; я же не смею переступить порога, потому что вижу-с даму, стоящую у трюмо, опершись одной коленой на табуретку, а горничная шнурует ей атласный корсет.

— Входите, я тороплюсь одеваться, — сказала она. — Я вас для того призвала к себе, чтобы вам объяснить, что вы не получите от меня рукописи, пока не принесете мне сто золотых, вместо пятидесяти. Мой муж дешево продал вам свои стихи. В шесть часов принесите деньги, тогда и получите рукопись... Прощайте...

— Все это она-с проговорила скоро, не поворачивая головы ко мне; а смотрелась в зеркало и поправляла свои локоны, такие длинные на обеих щеках. Я поклонился, пошел в кабинет к Александру Сергеевичу и застал его сидящим у письменного стола с карандашом в одной руке, которым он проводил черты по листу бумаги, а другой подпирал голову-с, и они сказали мне:

— Что? С женщиной труднее поладить, чем с самим автором? Нечего делать, надо вам ублажить мою жену; ей понадобится заказать новое бальное платье, где хочешь — подай денег... Я с вами потом сочтусь.

— Что же, принесли деньги в шесть часов? — спросил Панаев.

— Как же было не принести такой даме? — ответил Смирдин».

Мемуарам Панаевой можно верить и не верить. Но этот рассказ, как раз, очень похож на правду. Пушкинист Н. О. Лернер предполагал, что рассказ этот относится в стихотворению «Гусар», за которое Смирдин заплатил Пушкину две тысячи рублей в 1833 году.

К Пушкину Смирдин относился с благоговением и любовью, высоко оценивал все, что выходило из-под пера великого поэта. Он покупает напечатанный князем Вяземским «Бахчисарайский фонтан», покупает право на второе издание «Руслана и Людмилы».

В 1830 году Пушкин, живший почти исключительно своим литературным трудом, решает жениться на Н. Н. Гончаровой. У поэта возникают новые, непосильные расходы. Смирдин спешит на помощь. Он покупает через друга Пушкина — Плетнева право на все ранее вышедшие сочинения Пушкина на четыре года, обязуясь выплачивать автору по 600 рублей ассигнациями ежемесячно.

Одна из случайных задержек этого «оброка», как называл получаемые деньги от Смирдина Пушкин, вызвала его эпигramму:

«Смирдин меня в беду поверг
У торгаша сего семь пятниц на неделе,
Его четверг на самом деле —
Есть после дождичка четверг»¹⁷.

Но эпиграмма была всего лишь шуткой. Отнюдь не шутками для жизни поэта были гонорары, полученные им от Смирдина за «Бориса Годунова» в 1831 году, или за первое отдельное издание «Евгения Онегина» 1833 года.

Взаимоотношения Пушкина и Смирдина требуют еще подробного изучения. Такого же изучения требуют отношения Смирдина с Крыловым, правом на издание басен которого Смирдин владел десять лет, заплатив за это право Крылову сорок тысяч рублей и напечатав басни его в таком же количестве экземпляров.

Как уже говорилось выше, есть основания думать, что Крылов вообще был близок к делам Смирдина, ближе, чем это принято думать.

Позднее критики так оценивали издательскую деятельность Смирдина: «Смирдин первый оживил у нас литературу благо-

ЕВГЕНІЙ ОНЕГИНЪ,

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Александра Смирдина.

1833.

А. С. Пушкин. «Евгений Онегин». Спб., изд. А. Смирдина, 1833. Первое полное издание.

родной оценкой труда, первый не захотел пользоваться обыкновенною беспечною таланта и первый стал вознаграждать прибылью, получаемой от издания его творений. Все это необыкновенное движение в нашей литературе в течении последних пятнадцати лет было следствием его деятельности, его благородного образа мыслей, его усердия к умственной славе России и того неограниченного доверия, которое умел он своей честностью внушить к себе всему пишущему и читающему классу. Пушкин прекрасно называл его «Libraire gentilhomme»¹⁸.

Как отвечали этому «Libraire gentilhomme» некоторые другие из литераторов, можно увидеть, например, из такой подробности.

Известно, что в журналах того времени в рецензиях было принято печатать отрывки из произведений рецензируемых авторов. «Русский вестник» по этому поводу сообщал: «Сенковский таким манером перепечатывал в «Библиотеке для чтения» иногда целые книги, а статьи сплошь и рядом. Но всего забавнее, что и за эти перепечатки чужого добра Сенковский брал с благодушного Смирдина, вверившегося в него, словно в евангелъе, крупную полистную плату...»¹⁹.

Таков был Смирдин, как издатель. Как о человеке о нем стоит привести цитату из письма Николая Полевого к брату Ксенофону. Сообщая о переезде из дома Смирдина, в котором он проживал некоторое время как приглашенный сотрудник его периодических изданий, Полевой пишет: «...чем больше я этого узнаю человека, тем более чувствую к нему любви и уважения: это благороднейшее и добродушнейшее создание, каких немного встретишь в жизни. Под необделанною грубою корою у него хранится добрейшее сердце и благороднейший ум».

В другом письме к брату Полевой пишет: «Смирдин неограниченный драгоценный бриллиант!»²⁰.

Именно таким казался А. Ф. Смирдин многим своим современникам.

3. РАСЦВЕТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СМИРДИНА

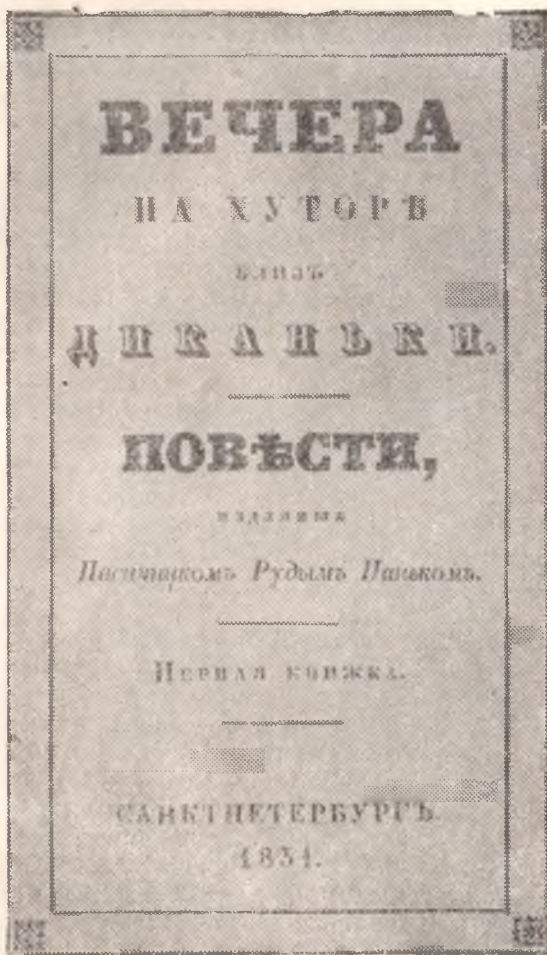
Тридцатые годы были годами расцвета издательской и книгопродавческой деятельности А. Ф. Смирдина. Этот расцвет был обусловлен общим ростом внутренней и внешней торговли России того времени, ростом торговопромышленных предприятий, а в связи с этим и городского населения. Методы капиталистического предпринимательства проникли и в глубину дворянских имений. Одновременно нарастало недовольство и возмущение среди крепостного крестьянства. Количество только официально зарегистрированных крестьянских волнений в тридцатые годы превышало сто, а в сороковые уже приближалось к тремстам. Не входили в счет волнения в военных поселениях, вспыхнувшие в ряде местностей так называемые «холерные бунты» и, наконец, польское шляхетское восстание 1830 — 1831 годов.

Перепуганное событиями 14-го декабря 1825 года, правительство Николая I принимало драконовские меры, чтобы задушить освободительное движение и прекратить распространение вольнолюбивых идей.

В 1826 году был издан новый цензурный устав, получивший название «чугунного», которым, однако, не удалось остановить наступательное движение прогресса.

В 1828 году «чугунный» устав был пересмотрен. Новый устав в какой-то части был смягчен, а в какой-то и еще более затруднял выпуск новых книг и периодических изданий. Но революционное выступление декабристов не прошло бесследно. Творческая мысль интеллигенции и народа была разбужена и это не могло не сказаться на повышении интереса к русской литературе и к печати.

Современники так рассказывают об этом периоде: «Все, что было молодо, кипело деятельностью, писало, исписывалось, остило, бранилось, училось, читало и перечитывало с жадностью. Читающий круг заметно расширился, читать было нужно и можно, потому что с одной стороны в публике появилось

Н. В. Гоголь. «Вечера на хуторе близ Диканьки». Спб., изд. А. Смирдина, 1831. Обложка первого издания.

стремление уяснить себе многие еще не решенные вопросы жизни, с другой писатели сами взялись за жизнь и стали говорить о ней горячим, живым словом»²¹.

Вне всякого сомнения, этот интерес к литературе обуславливался и тем обстоятельством, что ее возглавляли Пушкин, Лермонтов, Белинский, Гоголь. Они употребляли героические усилия в борьбе с «охранительной», реакционной литературой, всячески поддерживаемой правительством Николая I, пытавшегося с своей стороны использовать печать для воздействия на общество.

Для издателя А. Ф. Смирдина время это было и легким и трудным. Легким потому, что ему, как издателю, предоставлялось удовлетворить все растущие требования читателей на книги. Общество нуждалось в учебниках, научных книгах, желало иметь доступные издания своих любимых авторов. По словам современника: «Масса публики кричала: «Давайте читать! Сделайте для нас доступным приобретение книг!» Она готова была бы броситься даже помимо всяких условий доступности удобств — как вдруг является в Петербурге блестящее, роскошное депо книг, которые сделались предметом честной коммерции, а не барышничества. Ясно, что публика полюбила это депо и что Смирдин сделался любимцем ее, что его имя повторялось почти так же часто, как имена тех литераторов, которые были близки к книгопродавцу — издателю»²².

И книгопродавец-издатель А. Ф. Смирдин, не обманув этого доверия и любви к нему публики, снимал богатейшие урожаи со своих первоначальных издательских мероприятий.

Каково было положение книжной торговли до Смирдина? В основном она находилась в состоянии, о котором довольно точно рассказывает стихотворение «Книжная лавка», напечатанное в 1811 году:

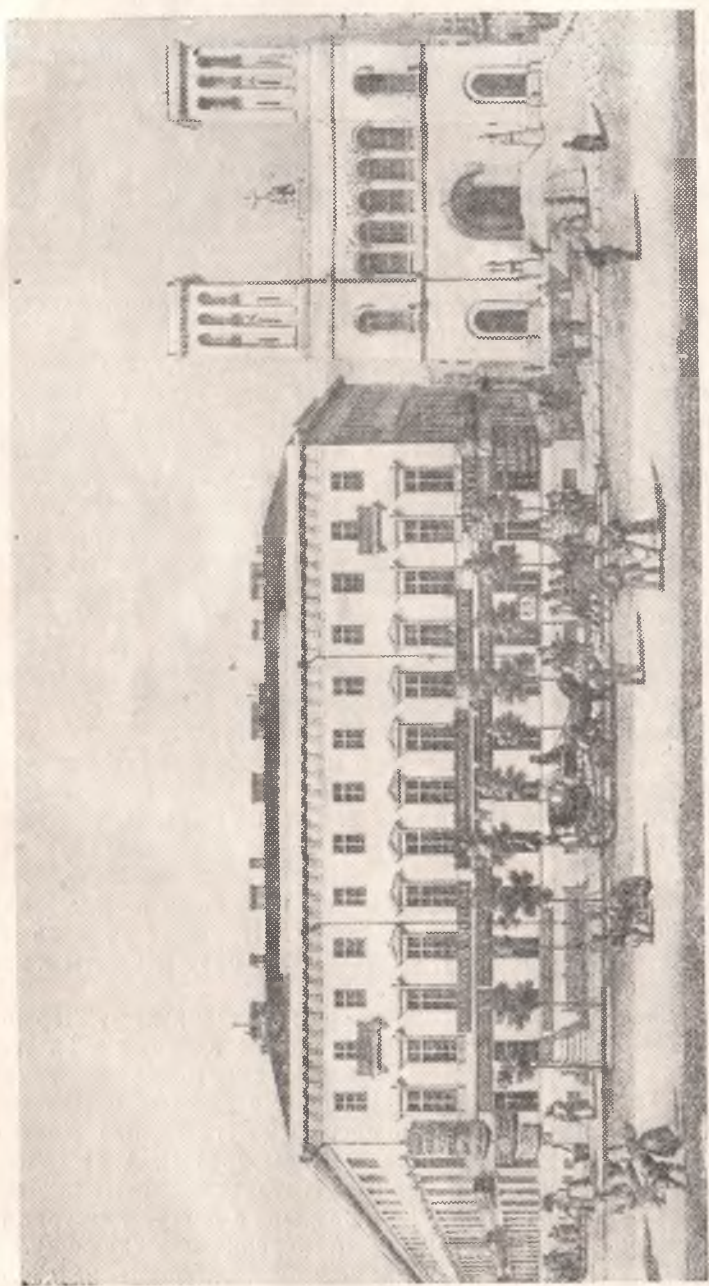
«...Завален книгами гостинный двор торжок.
Выходишь, например, на рынок за свечами,
Тут просвещение в корзинах за плечами,
Шаг дале — лавок ряд, в них полки в семь аршин,
Там выставлены все по росту книги в чин;
В кафтанах разных мод, или в тюках огромных,
Иные век лежат в углах себе укромных.
Иду — глушит меня книгопродавец шум;
Все в такт кричат: сюда! здесь подешевле ум!
Всяк Митридат из них, на память все читают
Книг роспись предо мной — уступку обещают,
Лишь только-б как-нибудь меня к себе привлечь...»²³.

И вдруг, взамен этого, читаем:

«На Невском проспекте, в прекрасном новом здании, принадлежащем лютеранской церкви св. Петра, в нижнем жилье находится книжная торговля г. Смирдина. Русские книги в богатых переплетах стоят горделиво за стеклом в шкафах красного дерева и вежливые приказчики, руководствуя покупающих своими библиографическими сведениями, удовлетворяют потребность каждого с необыкновенной скоростью.

В верхнем жилье над магазином устраивается библиотека для чтения, первая в России по богатству и полноте».

«Сердце утешается при мысли, что, наконец, и русская наша литература вошла в честь и из подвалов переселилась в чертоги. Это как-то воодушевляет писателя»²⁴.

Библиотека для чтения и книжная лавка А. Ф. Смирдина. Деталь «Панорамы Невского проспекта» В. С. Садонникова.
Дизайн на плане И. Иванова.

Это «воодушевление писателей» — одна из главнейших заслуг А. Ф. Смирдина, установившего, как мы знаем, так же и твердую оплату писательского труда. И каковы бы не были нападки на «торговое направление» или «товарный период» в русской литературе, профессионализация труда писателей в той или иной мере способствовала в то время расцвету литературы.

До Смирдина попытку профессионализировать труд литераторов сделали декабристы А. Бестужев и К. Рылеев при издании альманахов «Полярная звезда» в 1823 — 1825 годах. Однако их опыт оказался всего лишь опытом, столь же не решающим, как и все предпринятое в этом отношении еще в XVIII веке Н. И. Новиковым и отчасти Ф. Эминым, М. Чулковым, В. Левшиным и другими.

В чем же заключались основные трудности А. Ф. Смирдина, как издателя? На этот вопрос отвечает автор статьи «Из воспоминаний старого книгопродавца», появившейся в 1899 году. Он пишет: «Смирдин не был достаточно образован и потому не имел возможности следить за развитием общественной мысли и за изменениями в сфере культуры. Он крепко верил в мнения и взгляды своих старинных друзей и сотрудников, которые в свое время царили почти беспрекословно над вкусом и потребностями публики. Но времена изменились и все эти Гречи, Булгарины, Сенковские, Полевые и прочие руководители Смирдина отошли на задний план. Появились новые люди и в борьбе между новым и старым поколением побеждено было не только старое поколение писателей и журналистов, но и Смирдин, материально и нравственно связанный с ними»²⁵.

Дело, разумеется, не только в малой образованности издателя Смирдина. Окончи он все высшие учебные заведения, существовавшие в то время, ему все равно было бы не пройти мимо Сенковских и Булгариных, которые в начале его издательской деятельности не только «царили почти беспрекословно над вкусом и потребностями публики», но и были в силе раздавить каждого неугодного им издателя. Немного удалось бы напечатать А. Ф. Смирдину, сделайся он сразу открытым врагом Булгариных и Сенковских!

Николай I жестоко расправился с Пушкиным и Лермонтовым — они были убиты на дуэлях, подготовленных в Третьем отделении, с Белинским, которого только смерть спасла от жандармов, с Гоголем, загнанным условиями режима в меланхолию и мистику. Вспомним, какой крестный путь прошел издатель прогрессивного «Современника» поэт-демократ Н. А. Некрасов. Сам Смирдин великолепно понимал трудность своего положения, но искал выхода из него не в разрыве с лагерем «журнального триумvirата», а в попытках примирения враждующих сил литературы. В первом же своем наиболее крупном издательском начинании — двухтомном сборнике «Новоселье» (1833 — 1834), на самом обеде, устроенном для литераторов по случаю

переезда его библиотеки и книжного магазина в новое помещение на Невском, он сделал опыт объединения писателей разных направлений.

Мы уже знаем, что из этого опыта ровно ничего не вышло. Не только обнаружился антагонизм среди петербургских литераторов, присутствовавших на обеде, но, по словам Н. Барсукова «Это пиршество произвело в Москве неприятное впечатление. В нем усмотрели «союз петербургской литературы» и Погодин рассуждал с Аксаковыми «о необходимости оппозиции...»²⁶.

Сами сборники «Новоселье» вышли необычайно пестрыми по своему содержанию. Наряду с произведениями Пушкина, Гоголя, Жуковского, Вяземского, Крылова, Баратынского, в них были напечатаны стихи и проза Булгарина, Греча, Сенковского, Хвостова, Шишкова, бар. Розена и других. Центральное место в критической части сборника занимал фельетон Сенковского «Большой выход у сатаны», с остроумными, но совершенно беспринципными нападками на ряд писателей.

Гоголь, который участвовал в «Новоселье» впервые напечатанной «Повестью о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», писал Погодину 20-го февраля 1833 года: «Читал ли ты смирдинское «Новоселье»? Книжица ужасная: человека можно уколотить. Для меня она замечательна тем, что здесь в первый раз показались в печати такие гадости, что читать мерзко. Прочти Брамбеуса: сколько тут и подлости и вонь и всего»²⁷.

О самом Смирдине Гоголь позже в пушкинском «Современнике», в статье «О движении журнальной литературы», отзывался весьма положительно.

Большинство других современников оценили сборники чрезвычайно высоко. Белинский называл «Новоселье» «лучшим русским альманахом», хотя и «не свободным от плохих статей».

Внешне сборники были изданы замечательно. На обложках их даны литографированные изображения помещения библиотеки Смирдина и его книжной лавки на Невском. На заглавных листах напечатаны гравированные изображения торжественного обеда у Смирдина и внутреннего вида его книжной лавки. На первой картинке, рисованной А. Брюловым и гравированной С. Галактионовым, во главе стола изображен Крылов, рядом с ним стоит Смирдин, сидят Хвостов и Пушкин. Налево от Крылова — с бокалом Греч, сидят Шаховской и Булгарин. Попадают экземпляры, в которых Хвостов изображен со звездой в лацкане. Эту звезду почему-то запретила цензура и в общем тираже сборника Хвостов изображен без знаков отличия.

На второй картинке, рисованной А. Сапожниковым и гравированной тем же Галактионовым, показан внутренний вид смирдинской лавки. Направо Пушкин разговаривает с Вязем-

Книжная лавка А. Ф. Смирдина. Виньетка из сборника «Новоселье». Спб., 1834, Рис. А. П. Сапожников. Грав. С. Ф. Галактионов.

ским. За конторкой Смирдин беседует с Сенковским, налево, с пачками книг, главный приказчик Смирдина — Ф. Ф. Цветаев.

К первому тому, кроме этого, приложены еще пять иллюстраций, рисованных и гравированных лучшими мастерами.

Интересные соображения по поводу выпуска этих сборников высказывает А. Старчевский в «Воспоминаниях литератора»: «Сенковский начал готовиться к выпуску в будущем 1834 году первой книжки «Библиотеки для чтения», но чтоб поднять на ноги всю публику, задумал предварительно выпустить сборник «Новоселье», который должен был наглядным образом познакомить ее с тем, что ее ожидает в будущем. «Новоселье» затеяно было Сенковским как будто по поводу переведения книжного магазина Смирдина от Синего моста на Невский проспект. Послали Смирдина бить челом перед всеми известными нашими литераторами и просить у них статей для его сборника «Новоселье». Появление «Новоселья» произвело фурор. Действительно, в нем было столько прекрасных статей, что появившись оно в наше время — успех был бы громаден».

Далее Старчевский сообщает, что «охотников подписаться на новое издание «Библиотека для чтения» появилось у Смирдина такое множество, что для водворения порядка в толпе потребовалось вмешательство полиции»²⁸.

Так зародился журнал Смирдина «Библиотека для чтения», сыгравший огромную роль не только в развитии русской журналистики, но и в не раз отмеченной выше профессионализации труда писателей и журналистов.

Сложны были взаимоотношения между издателем Смирдиным и редактором, вдохновителем и инициатором журнала «Библиотека для чтения» — Сенковским.

Современники рассказывают, что «О. И. Сенковский, присоветовавший Смирдину издавать журнал «Библиотека для чтения» в 1834 году не пользовался расположением Смирдина, вследствие того, что обращался с ним как-то грубо: входил, например, в магазин и разговаривал со Смирдиным не снимая шляпы, не давал при посетителях руки и вообще держал себя неприлично»²⁹.

Но, конечно, не манера поведения Сенковского, странная при его европейском образовании, возбуждали между этими двумя людьми взаимную антипатию. Дело заключалось в том, что Смирдин знал точную цену «Барону Брамбеусу», а Сенковский, повидимому, чувствовал внутреннее противодействие со стороны Смирдина его беспринципной политике.

Отнюдь не сразу Смирдин отдал «Библиотеку для чтения» в полное и бесконтрольное владение Сенковского. Цензор Никитенко в своем «Дневнике» записал 10-го января 1834 года такой эпизод: «Когда Смирдин выбирал для своего журнала редактора и не знал еще к кому обратиться, является к нему Павел Петрович Свинын и, именем министра народного про-

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ, ЖУРНАЛЪ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫСЛЕН-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ и ЖИЗНЬ,

СОСТАВЛЕНАЯ

и

ЛИТЕРАТУРНЫХЪ И УЧЕНЫХЪ ТРУДОВЪ

Б. Н. Ассети, Е. А. Борятинскаго, Барто- Ермолова, О. В. Бу-
гарина, А. О. Введенскаго, Кош. Н. А. Виноградова, П. Н. Галаши, П. В.
Давыдъ, Р. П. Ермоловскаго, А. К. Давыдова, Н. П. Давыдова, В. А.
Жуковскаго, М. Н. Златошова, Н. Т. Казанскаго, М. Т. Катанскаго,
Н. В. Карголинскаго, Кош. А. Ю. Козлова, Н. И. Котляра, В. А. Крылова,
Н. В. Курочкина, М. Е. Лаврова, З. М. Лавровскаго, А. В. Ра-
дичевскаго, Моравскаго, К. Н. Марковскаго, А. П. Михайловскаго,
Александрова, А. К. Ворона, Кош. В. А. Озерскаго, А. П. Опалина,
В. Н. Радлова, П. К. Радлова, М. П. Радлова, А. Писаревскаго,
В. А. Писарова, А. С. Писарова, С. Е. Радлова, А. Г. Радлова, Рузави-
нскаго, В. В. Сидорова, О. В. Сидорова, В. Н. Сидорова, В.
М. Сидорова, В. Р. Угрюмова, В. А. Угрюмова, К. М. Огород-
никова, А. В. Харитова, А. С. Харитова, Кош. А. А. Шиховскаго, С. П.
Шиховскаго, А. В. Шиховскаго, А. С. Шиховскаго, В. П. Шиховскаго,
А. В. Шиховскаго, В. М. Шиховскаго, Н. А. Шиховскаго, И. М. Шиховскаго,
С. М. Шиховскаго, и другихъ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА АЛЕКСАНДРА СМЕРДИНА.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

въ типографіи вхожаго Печатьнаго Служения.

и

1834.

свещения, объявляет, что он назначен последним в редактора. На этом пока и остановилось дело.

Несколько дней спустя Смирдину понадобилось быть у министра.

— Кто ваш редактор? — спросил его тот.

— Это еще не решено, ваше высокопревосходительство, но Свиньин...

— Что, что, — прервал его министр, — неужели ты хочешь вверить свой журнал этому п... и л...? Для меня все равно, кого ты не изберешь; это твое дело. Но я думаю, что журнал твой умрет, не родясь, как только публика узнает, что редактором его избран Свиньин.

Смирдин что называется остоленел. Оказалось, что почтенный литератор просто хотел надуть его и недаром торопил заключением условий после того, как объявил, что послан министром. К счастью, контракт еще не был подписан».

Эпизод сам по себе анекдотичен, но он достаточно рисует тяжкое положение Смирдина, как издателя. Желая как-то нейтрализовать самодавляющее влияние Сенковского Смирдин приглашает в соредакторы Н. И. Греча, а на второй год издания Ивана Андреевича Крылова, но ни тот, ни другой не сумели сколько-нибудь помочь делу. Темперамент и разносторонняя талантливость Сенковского, как журналиста и организатора, победили все препятствия и он сделался полномочным распорядителем «Библиотеки для чтения». Даже препоны, чинимые ему на первых порах, как поляку, со стороны Третьего отделения, были им в конце-концов преодолены.

Что оставалось делать Смирдину — издателю? Мнение Гоголя, что Смирдин, доверившись Сенковскому, «поступил несколько неосмотрительно», и что «успевши соединить для своего издания такое множество литераторов, он должен был предоставить их суду избрание редактора», — было мнением явно идеалистическим³⁰.

Издатель сосредоточил свое внимание на привлечении к участию в журнале лучших сил литературы, надеясь на «объединение» писателей. В первый год это ему удалось и «Библиотека для чтения» блистала именами Пушкина, Жуковского, Баратынского, Дениса Давыдова, Крылова, Языкова и многих других. Но уже со второго года существования журнала эти писатели начали постепенно оставлять его, напуганные и беспринципным направлением журнала и бесцеремонностью редактора Сенковского, расправлявшегося с чужими сочинениями, как со своими собственными.

Надо отдать должное Барону Брамбеусу, что с точки зрения привлечения интереса к журналу со стороны читателей, а следовательно и увеличения числа подписчиков, доходивших до пяти-шести тысяч (неслыханной для того времени цифры), он вел дело блистательно.

Белинский, неоднократно анализировавший причины небывалого успеха смирдинского журнала, пришел к следующим выводам:

«Всякому известно, — писал он, — что этот журнал основан книгопродавцем, который приобрел у публики большую доверенность, и приобрел по справедливости, по заслуге; всякому известно, что этот книгопродавец ведет торговлю большую и, следовательно, в состоянии делать большие обороты и пускаться в важные предприятия; это обстоятельство ручалось за исправный выход книжек, за их типографическое достоинство, за хорошую и честно выполняемую плату сотрудникам журнала».

Второй причиной успеха «Библиотеки для чтения» Белинский считал «участие почти всех знаменитостей нашего письменного мира, эти имена, выставленные в программе и на обертках «Библиотеки», как залог того, что вся литературная деятельность должна сосредоточиться в одном издании, чего никогда не бывало, о чем самая мысль всегда казалась несбыточной — какая приманка для нашей доверчивой публики!»

«Правда, — оговаривается дальше Белинский, — некоторые из авторов, имена которых двенадцать раз в год повторялись на обертках журнала, не подарили его ни одной статьею; правда, некоторые из знаменитостей сошли с обертки, к немалому вреду репутации журнала; правда, и половина оставшихся имен, при втором годе совсем исчезла с обертки; правда, большая часть этих знаменитостей была совсем не знаменита, и между этими знаменитостями многие были сделаны на скорую руку, ради предстоящей потребности, многие незначительности были произведены в знаменитости, произведены самим этим журналом, ради предстоящей нужды...» Однако, все это уже не являлось помехой для распространения журнала. «Дело было сделано, — пишет Белинский, — а русский человек вообще сговорчив, и в литературных делах за неустойкой не гонится, если вы исполнили хоть часть условий...»³¹

Последней причиной успеха «Библиотеки для чтения» по мнению Белинского была беззастенчивая или, как он называл, «бесстыдно-самохвальная» реклама, которую делала журналу газета «Северная пчела» Булгарина и Греча.

В воздействии этой рекламы трудно сомневаться. В те годы влияние «Северной пчелы» на средние круги читателей было весьма значительным. Много позже Д. Д. Минаев писал:

«Вождя «Пчелы» Россия знала
В чертогах пышных и в избе,
И по субботам изнывала
При виде букв «Фита» и «Б».

В качестве еще одного примера можно припомнить эпизод с романом Лермонтова «Герой нашего времени». Напечатанный в 1840 году роман, несмотря на восторженный отзыв Белинского, расхвалился туго. Существует версия, что бабушка Лермон-

това, желая сделать внуку приятное, без его ведома, конечно, послала Булгарину экземпляр романа, в который вложила пять сотенных ассигнаций. Фаддей Венедиктович немедленно тиснул в своей «Пчелке» хвалебную статью, после которой «Герой нашего времени» был расхвачан и через год потребовал второго издания. Возможно на этот случай намекал позже и Белинский, назвавший рецензию Булгарина «купленным пристрастием»³².

Вне всякого сомнения, что это же «купленное пристрастие» помогало успеху «Библиотеки для чтения».

Была, однако, еще одна причина, которая, думается, является весьма важной.

«...Тайна постоянного успеха «Библиотеки» заключается в том, — писал Белинский в цитированной выше статье, — что этот журнал есть по преимуществу журнал провинциальный».

«Представьте себе семейство степного помещика, семейство читающее все, что ему попадется, с обложки до обложки; еще не успело оно дочитатьсь до последней обложки, еще не успело перечесть где принимается подписка и оглавление статей, составляющих содержание номера, а уж к нему летит другая книжка, и такая же толстая, такая же жирная, такая же болтливая, словоохотливая, говорящая вдруг одним и несколькими языками. И, в самом деле, какое разнообразие! — Дочка читает стихи гг. Ершова, Гогниева, Струговщикова и повести гг. Загоскина, Ушакова, Панаева, Калашникова и Массальского; сынок, как член нового поколения, читает стихи г. Тимофеева и повести Барона Брамбеуса; батюшка читает статьи о двухпольной и трехпольной системах, о разных способах удобрения земли, а матушка о новом способе лечить чахотку и красить нитки; а там еще остается для желающих критика, литературная летопись, из которых можно черпать горстями и пригоршнями готовые (и часто умные и острые, хотя редко справедливые и добросовестные) суждения о современной литературе; остается пестрая разнообразная смесь; остаются статьи ученые и новости иностранных литератур».

При всей тонкости издевки Белинского, нельзя не сделать вывода, что завоевание «Библиотекой для чтения» новых кадров читателей — неоспоримая заслуга этого журнала. Белинский и сам говорил: «Если бы я стал утверждать, что «Библиотека» журнал плохой, ничтожный, это значило бы смеяться над здравым смыслом читателей и над самим собой».

Новый читатель заявлял о своем существовании решительно и громко. Книжные лавки были постоянно полны покупателями. В них стали показываться аристократы и люди высшей администрации, до того времени в руки не бравшие русских книг, зимой появлялись помещики, покупавшие за раз горы книжного товара, среди покупателей в большом количестве

замелькали разночинцы, перестали бояться заходить в книжные лавки представители трудящегося люда.

«Библиотека для чтения», при всей реакционности своего направления, приучала читателей к чтению журналов и в этом смысле прокладывала дорогу и будущему пушкинскому «Современнику», и перенявшему его позже Некрасову, который вместе с Белинским, а еще позже с Чернышевским и Добролюбовым, сделал и «Современник» и «Отечественные записки» органами передового общества сороковых и более поздних годов.

Но, если редактора «Библиотеки для чтения» Сенковского мало беспокоил отход от журнала лучших представителей литературы и вполне устраивал пока еще невзыскательный вкус главным образом провинциального читателя, то более дальновидный Смирдин прилагал все усилия к тому, чтоб не оборвалась окончательно связь с представителями подлинной, высокой литературы.

В смертельное беспокойство его повергло желание Пушкина издавать свой собственный журнал «Современник». Он побежал отговаривать поэта от этого намерения. Сам Пушкин в письме к Нащокину пишет: «Денежные мои обстоятельства плохи. Я принужден был приняться за журнал. Не ведаю как еще пойдет. Смирдин уже предлагает мне 15.000 что б я от своего предприятия отступился и стал бы снова сотрудником его Библиотеки. Но хотя это было бы и выгодно, но не могу на то согласиться. Но Сенковский такая бестия, а Смирдин такая дура, что с ними связываться невозможно»³³.

Но «дурой» Смирдин только казался. Сметливый от природы, он еще в 1835 году задумывал создать противовес клике Сенковского — Булгарина — Греча, все более опутывавшей его дело, разорявшей его своими алчными аппетитами.

Смирдин ищет новых соратников. В 1834 году правительством был закрыт журнал Н. А. Полевого «Московский телеграф». Официально он был закрыт за отрицательную рецензию Полевого на представление ура-патриотической пьесы Кукольника «Рука всевышнего отечество спасла». Пьеса понравилась Николаю I и он наградил автора крестом, одновременно распорядившись запретить журнал, осмелившийся не согласиться с его вкусом.

Современники острили по этому поводу:

«Рука всевышнего три дела совершила:

Отечество спасла, поэту крест дала

И Полевого задушила...»³⁴.

Но, разумеется, рецензия Полевого была только внешним поводом к закрытию его журнала. Полевой считался прогрессивным журналистом и его «Московский телеграф» был уже давно обречен на гибель.

С закрытием журнала Полевой оказался в труднейшем положении. Смирдин вызывает его в Петербург, поселяет у се-

бя в доме и решает откупить у Булгарина и Греча газету «Северная пчела» и журнал «Сын отечества», мечтая сделать Полевого редактором обоих органов.

Из затеи этой ничего не вышло, так как Булгарин и Греч, взяв огромные суммы со Смирдина за переуступку издания, сумели воспротивиться назначению Полевого редактором. Газета по-прежнему осталась под редакцией Булгарина и через некоторое время Смирдин, заплатив пять тысяч рублей неустойки и потерпев немалые убытки на издании, отдал газету обратно Булгарину. На журнале «Сын отечества» Смирдин тоже потерял крупные суммы. Пришлось уплатить и Полевому за всю эту неудавшуюся операцию.

Имя Смирдина как издателя значилось на газете «Северная пчела» всего только один 1838 год, а на «Сыне отечества» годы 1838 (в этот год журнал назывался «Сын отечества и Северный архив») и 1839, а на пятом томе (сентябрь — октябрь) 1840 года — оно также исчезает. В тексте появляется заметка о том, что права на издание передаются Смирдиным Сенковскому. Так закончилась попытка Смирдина хотя бы частично пошатнуть влияние «журнального триумvirата».

О том, какая атмосфера воцарилась в самом «журнальном триумvirате» с приобретением к нему Полевого, рассказывает В. А. Владиславлев в письме к А. Я. Стороженко 5-го мая 1838 года: «Главное лицо в литературе — это книгопродавец Смирдин. У него на откупу Сенковский, Греч, Булгарин и Полевой. Последний в звании редактора «Сына отечества» и литературного отделения в «Северной пчеле». Несмотря на одного хозяина, приказчики ссорятся между собой следующим образом: Сенковский со всеми, Греч с Сенковским, Булгарин с Полевым, Полевой с Булгариным и Сенковским. По последним слухам Полевой изгоняется из этой касты за ссору с Булгариным»³⁵.

Следует к тому же отметить, что напуганный свалившейся на него «царской немилостью» и закрытием «Московского телеграфа», Полевой с первых же шагов начал усердно «исправлять» свою репутацию, обнаруживая самые «верноподданические» тенденции.

Ясно, что в таком новом своем качестве Полевой был уже неинтересен и Смирдину. В 1839 году Смирдин делает последнюю попытку объединения всех русских литераторов в одном издании, мечта, которая не оставляла его до последних дней жизни.

Он приступает к изданию десятитомного сборника «Сто русских литераторов», изданию неслыханному по роскоши и размаху. В каждом томе, форматом почти в четвертую долю листа, свыше 800 страниц текста, десять гравированных портретов авторов, десять гравированных иллюстраций к их произведениям. Внешне каждый том — образец типографского искусства.

«Сто русских литераторов». Спб., изд. А. Смирдина, 1839. Титульный лист первого тома.

И опять Смирдин падает жертвой неосуществимости этой своей идеи: вместо объединения всех русских литераторов, у него получилось ужасающее по безвкусице соседство Пушкина и Булгарина, Крылова и Маркова, Зотова и Дениса Давыдова.

Воздавая должное Смирдину как издателю, анализируя и высоко оценивая все его заслуги, Белинский беспощадно обрушился на эту его затею. Рецензируя третий том «Ста русских литераторов», вышедший уже в 1845 году, Белинский делает такой арифметический подсчет помещенным в трех томах статьям и портретам: «В первом томе два портрета совершенно лишние и неуместные (гг. Зотова и Свинына); при двух портретах (гг. Александрова и Марлинского) плохие статьи. Во втором: три портрета (гг. Каменского, Веревкина и Масальского) совершенно излишние и неуместные; четыре портрета (гг. Булгарина, Загоскина, Панаева и Шишкова) запоздалые, за исключением Крылова, девять портретов с плохими статьями. В третьем: четыре портрета (гг. Ободовского, Мятлева, Бегичева и Маркова) лишние и неуместные; три портрета (гг. Греча, Хмельницкого и Ушакова) запоздалые; при восьми портретах плохие статьи. Итого: из тридцати портретов, девять лишних и неуместных, восемь запоздалых; из тридцати с лишком статей, слишком девятнадцать плохих (считая за одну статью пять стихотворений г. Бенедиктова и за одну же статью десять стихотворений г. Мятлева). Хороший итог!»³⁶.

Время написания этой рецензии совпало с временем, когда и простые бухгалтерские итоги деятельности Смирдина были уже не в его пользу. На третьем томе «Ста русских литераторов» издание закончилось крахом. До этого весьма значительную брешь нанесла история с «Энциклопедическим лексиконом», лопнувшим благодаря интригам конкурентов, из которых главным был Адольф Плюшар. Склады Смирдина ломились от напечатанных и давно уже туго распродаваемых книг. Все его имущество было заложено и перезаложено. Издательская машина еще работала по инерции. На рынок выбрасывались все новые и новые книги, на титульных листах которых значится, ставшая уже привычной, марка «Издатель Александр Смирдин».

Нуждаясь в деньгах, Смирдин делает наезды в Москву, сбывая там по дешевке книги. Он широко кредитует книгопродавцов, дает им неслыханные льготы, надеясь как-то оживить книжную торговлю. Но дела все хуже и хуже... Лопаются книготорговые и издательские фирмы, делая список дебиторов Смирдина ничего не стоящим списком.

Надвинувшийся общий экономический кризис в корне подорвал книжную торговлю в стране. Годы жизни Смирдина, начиная с 1840-го и до самой смерти в 1857-ом — это годы борьбы с разорением и долгами.

4. СМИРДИН — БИБЛИОГРАФ

В отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина хранится письмо А. А. Смирдина (сына) к М. П. Погодину от 28-го октября 1857 года. В этом письме сын Смирдина пишет: «...Преклонные лета и горестные обстоятельства давно уже убивали здоровье отца. Смерть моей матери в конце прошлого года была решительным ударом для больного старика. Но всего замечательнее то, что до последней минуты жизни батюшка не терял охоты к деятельности и продолжал свой труд по тому предмету, страсть к которому была причиной его счастья, известности, страсть самоотверженная и великодушная. Я могу засвидетельствовать это, как сын, как член семейства, потерпевшего много нужд и лишений. Труд, о котором я говорю — есть составление каталога русских книг: более двадцати тысяч карточек изготовлены были отцом моим, некоторые из них написаны уже на предсмертном одре»³⁷.

Это письмо противоречит утверждению В. Г. Белинского, который в рецензии на «Роспись российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина» писал: «г. Смирдину пришла счастливая мысль — издать полный каталог своей огромной библиотеки; но для осуществления этой мысли он мог только пожертвовать капиталом...»³⁸.

Это не верно. Не только одним «капиталом» пожертвовал Смирдин для создания знаменитой «Росписи» своей библиотеки.

Весьма распространенное убеждение, что составителем этой «Росписи» является библиограф В. Г. Анастасевич, совсем не точно.

Кроме процитированного выше письма сына Смирдина, имеется ряд и других указаний, что владелец библиотеки А. Ф. Смирдин лично занимался библиографическим трудом, лично принимал самое ближайшее и главнейшее участие в составлении ее печатного каталога.

В «Посреднике печатного дела» за 1892 год, в статье А. Д. Бочагова, посвященной 35-летию со дня смерти А. Ф. Смирдина, сообщалось: «Служа еще у Плавильщикова,

он помогал Анастасевичу докончить сопииковский «Опыт библиографии», а затем в течение долгих лет работал самостоятельно, исправляя и дополняя труд Сопикова. Работу свою Александр Филиппович окончил в 1828 году и издал под именем «Роспись российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина».

На близкое личное участие в составлении «Росписи» самого Смирдина указывается и в статье В. Грекова в «Русском биографическом словаре». Наконец, в восьмой книге сборников «Звенья» (М., 1950) опубликовано письмо дочери Смирдина — Елизаветы Александровны Верховской (по мужу) от 25-го апреля 1867 года, в котором она уже прямо вступает за отца, как за составителя «Росписи». Обращаясь в Комитет литературного фонда за вспомоществованием, дочь Смирдина пишет: «Поспешаю довести до вашего сведения, что обширная систематическая роспись книгам, как известно вашему превосходительству, изданная отцом моим, приписываемая единственно покойному Анастасевичу, напротив того, как известно некоторым близко знавшим отца моего литераторам, например Б. М. Федорову, составлялась по мысли и преимущественно трудами отца моего, по собственным его карточкам, участие же приглашенного им библиографа г-на Анастасевича, ограничивалось проверкой их и точнейшим распределением; во всяком случае г. Анастасевич не может быть признаваем единственным составителем сей росписи, послужившей, можно сказать, основанием для библиографических сведений и ключом к истории русской словесности, даже имени г. Анастасевича на росписи не значилось, а напротив того, напечатана она от имени отца моего, давшего к ней мысль, материалы, соображения и все пособия и средства, но доверившего труд свой проверке г. Анастасевича, как любителя и знатока библиографии. Относить эту роспись к одному г. Анастасевичу и отстранять от нее имя отца моего значило почти тоже, что в деле изобретения паровоза и железной дороги относить все к трудам исполнителей мысли Фультона и Уайта».

Цитируемые материалы (а я убежден, что при специальных розысканиях их можно найти гораздо больше) отнюдь не принадлежат к каким-либо новым «открытиям» и должны быть хорошо известны литературоведам и библиографам. Тем более удивительна та настойчивость, с какой не только дореволюционные, но и наши советские литературные исследователи безоговорочно приписывали составление «Росписи» В. Г. Анастасевичу, начисто отменяя какое-либо участие в ней, кроме чисто-издательского, самого Смирдина.

Так, без каких-либо оговорок, значится составителем «Росписи» В. Г. Анастасевич в примечательной работе советского ученого Н. В. Здобнова «История русской библиографии до начала XX века», причем в ней сказано даже, что «Роспись»

«Роспись российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина». Спб., 1828. Титульный лист и фронтиспис с портретом основателя библиотеки В. А. Плавильщикова.

Смирдина поставила имя Анастасевича рядом с именем Сопова».

Весьма осторожную поправку сделала М. В. Сокурова в своей книге «Общие библиографии русских книг гражданской печати» (Л., 1956). Она пишет: «Роспись» вышла анонимно. В составлении ее, кроме В. Г. Анастасевича, возможно, принимали участие Ф. Ф. Цветаев, А. Ф. Смирдин, а в редактировании также Д. И. Языков».

Однако и в книге М. В. Сокуровой в библиографическом описании «Росписи» Смирдина значится «составитель Василий Григорьевич Анастасевич». Это же неоднократно утверждается и в предисловии к книге, написанном проф. П. Н. Берковым.

Только в «Хрестоматии по русской библиографии» С. А. Рейсера (М., 1956) «Роспись» Смирдина хотя и была отнесена также к трудам В. Г. Анастасевича, но все же с такой оговоркой: «Составителем «Росписи» Смирдина традиционно считается Анастасевич. Однако в неизданной работе

М. А. Брискмана это привычное представление подвергнуто серьезному пересмотру. Поскольку вопрос не может считаться решенным окончательно, сохраняем «роспись» Смирдина в установившемся десятилетиями месте».

Работа М. А. Брискмана пока еще не известна (она печатается Всесоюзной книжной палатой), но она подвергает сомнению авторство В. Г. Анастасевича, покоящееся на таких основаниях, как «установившееся десятилетиями место», «традиционность» и «привычное представление». Эту работу нельзя не приветствовать.

Становится ясным и сомнение Н. В. Здобнова, написавшего, что ему «Непонятно лишь, почему Анастасевич в этой росписи (т. е. в «Росписи» Смирдина — Н. С.-С.) отказался от основной классификационной схемы, примененной им в «Росписи» Плавильщикова».

Да Анастасевич может быть и не отказался бы. Отказался Смирдин, возглавивший новое описание принадлежащей ему библиотеки. Отсюда разный почерк и все различия между «Росписями» Плавильщикова и Смирдина.

Вовсе не значит, что громадная работа по составлению «Росписи» проделана Смирдиным единолично. Ему помогали, да он и не стеснялся просить этой помощи. Рецензент «Московского телеграфа» писал: — «Смирдин, приступая к изданию каталога советовался, между прочим, и с нами...»³⁹.

Некоторый избыток советчиков, не всегда правильно выбираемых, не раз вредил Смирдину в его начинаниях. Отсутствие у него образования вселило людям, не знавшим Смирдина близко, неверие в его способность к самостоятельным библиографическим занятиям. Не принималось во внимание, что многолетнее общение Смирдина с книгами и их создателями — литераторами не могло пройти бесследно для его развития. В этом отношении власть книги огромна. Вспоминаются слова писателя В. Б. Шкловского, сказавшего как-то одному книголюбу-собирателю, сумевшему ему ответить на ряд библиографических вопросов: «Теперь я вижу, что не только вы собрали книги, но и книги собрали вас...».

Вне всякого сомнения, что книги «собрали» А. Ф. Смирдина и сделали из него не только книгопродавца-издателя, который по словам Белинского «произвел решительный переворот в русской книжной торговле и, вследствие этого, в русской литературе», но и библиографа, создавшего труд, не потерявший значения до наших дней.

В определении Н. В. Здобнова, что «именно роспись Смирдина поставила имя Анастасевича рядом с именем Сопикова» сейчас самое время внести существенную поправку: вместо имени Анастасевича, который, так же, как и Д. И. Языков, принимал косвенное участие всего лишь в редактировании «Росписи», — поставить имя самого Александра Филипповича Смир-

дина, делом жизни которого эта «Роспись» является. У В. Г. Анастасевича немало собственных заслуг в русской библиографии и нет нужды приписывать ему чужие работы.

И если уже говорить о ближайших помощниках Смирдина по составлению «Росписи», то на первое место надо поставить известного в то время книжника Федора Фроловича Цветаева, ближайшего сотрудника Смирдина во всех его мероприятиях.

Ф. Ф. Цветаев начал свою службу у Плавильщикова еще мальчиком и был «унаследован» Смирдиным вместе со всем предприятием Плавильщикова.

Угадав в нем недюжинные способности, Смирдин, с момента перехода дела Плавильщикова в его руки, делает Цветаева своим главным приказчиком и заведующим библиотекой.

Обладая феноменальной памятью и влюбленный в книги, Цветаев был живым каталогом, справочной энциклопедией не только по отделу изящной литературы, но и по всем другим отраслям. Он мог указать не только любую книгу от времени Ломоносова до вышедшей только вчера, но и все критические отзывы о ней, когда-либо появившиеся в периодической печати.

Угрюмого, как и сам Смирдин, малообщительного Федора Фроловича Цветаева знал и любил весь литературный Петербург. Все, начиная с Пушкина, дружески улыбались ему, беседовали с ним, наводили у него справки.

Цветаев не надолго пережил Смирдина. Он умер в 1859 году. Отмечая его смерть в журнале «Современник» 1859 года, И. И. Панаев, знавший Цветаева лично, счел возможным написать, что именно Цветаев составил смирдинскую «Роспись».

Это утверждение Панаева столь же ошибочно, как и приписывание авторства «Росписи» В. Г. Анастасевичу. Помощь с его стороны Смирдину несомненна, но душой, организатором и главным, фактическим составителем «Росписи» своей библиотеки был сам Смирдин.

Библиография была его страстью. Он пополнял и исправлял свою «Роспись» до последних дней жизни, мечтая издать полный общий каталог всех русских книг.

Известны его слова: «Дотоле я не буду спокоен, пока не издам этой библиографии, дотоле не умру, пока не напечатаю всех русских классиков»⁴⁰.

Смерть помешала Смирдину выполнить все, что он задумал. Но он сделал очень и очень многое.

«Роспись» Смирдина, наряду с замечательным трудом «отца русской библиографии» В. С. Сопикова, оказалась удивительно живучей. Через сорок лет после ее издания друг Пушкина С. А. Соболевский писал, что она остается «необходимой для каждого, кто на Руси занимается, или намеревается заниматься чем-либо научным или литературным»⁴¹.

И уже более чем через сто лет после ее выхода, советский библиограф Н. Н. Аблов («Советская библиография», вып. 1

(18), 1940, стр. 59) писал: «И в наши дни на рабочих книжных полках почти каждого библиографа, литературоведа и историка СССР мы часто можем видеть тот же томик смирдинской «Росписи», иногда подержанный за свою долгую трудовую жизнь, но всегда живой и необходимый, как незаменимое по своей компактности справочное пособие при изучении истории и путей русской литературы и науки, отраженных в репертуаре книг XVIII и начала XIX века».

Отнюдь не заменяя труда В. С. Сопикова, смирдинская «Роспись» выгодно отличается тем, что описывает книги исключительно «с натуры», в то время, как В. С. Сопиков был вынужден часть книг описывать только по каталогам и реестрам книгопродавцев, составлявших эти реестры не всегда точно и грамотно.

Впрочем, у «Росписи» Смирдина есть свои существенные недостатки, к числу которых можно отнести, например, открытие некоторых анонимов и псевдонимов без указания источников и без указания на то, что книга на самом деле вышла либо под псевдонимом, либо без имени автора. Это порождает ряд трудностей в пользовании «Росписью».

Неоценимым достоинством «Росписи» Смирдина надо считать наличие в ней вспомогательных указателей авторов и названий, дающих возможность быстро разыскать ту или иную книгу. Как писал С. А. Соболевский, «Роспись» Смирдина «едва ли не достигла совершенства в этом отношении»⁴².

Издана «Роспись» весьма тщательно. К сожалению, указатели авторов и названий в прибавлениях к ней 1829 и 1832 года отсутствуют.

Незначительное количество экземпляров «Росписи» Смирдин издал на лучшей бумаге и с портретом основателя библиотеки В. А. Плавильщикова, рисованным и гравированным К. Афанасьевым. Такие экземпляры «Росписи» особо редки.

5. ИСТОРИЯ БИБЛИОТЕКИ СМИРДИНА

Библиотека Смирдина, основанная В. А. Плавильщиковым, отпускала книги для чтения на дому всем желающим по подписке. Годовая плата была тридцать рублей, а за месяц взималось пять рублей. За пользование периодическими журналами в год надо было платить добавочно еще двадцать рублей, за месяц три рубля.

Подписчики оставляли залог в размере 25 рублей, а если взятые книги превышали по стоимости эту сумму, залог соответственно увеличивался. Условия были не легкими, но, если принять во внимание, что Публичная библиотека на дом книг не выдавала, а на покупку их требовались значительные суммы, надо признать, что деятельность библиотеки Смирдина имела немалое общественное значение.

Лицом библиотеки являлся печатный каталог ее, или «Роспись», о которой рассказано в предыдущей главе.

Рассказывая здесь о самой библиотеке, ее зарождении, дальнейшем росте и конечной судьбе, волей-неволей придется возвращаться к этой «Росписи», так как ее история и история библиотеки переплетаются самым теснейшим образом.

Предшественницей «Росписи» Смирдина считается «Роспись российским книгам для чтения из библиотеки В. Плавильщикова систематическим порядком расположенная», изданная в трех частях в 1820 году. В «Росписи» Плавильщикова были описаны книги, находившиеся в его личной библиотеке, изданные до 1819 года. К этой «Росписи» в 1821 году Плавильщиков издал первое «Прибавление», включавшее книги, поступившие в библиотеку, изданные в 1820 году. Одновременно вышел в свет «Указатель российских и иностранных писателей», книги которых упоминаются в основной «Росписи» и в первом к ней «Прибавлении».

Далее «Прибавления» следовали ежегодно: в 1821, 1822, 1823, 1824 и в 1825 годах, причем последнее включало книги, изданные в 1825 и в начале 1826 года.

Два последних «Прибавления» изданы уже после смерти

Плавильщикова. В конце последнего «Прибавления» напечатано: «Сим прибавлением оканчивается систематическая роспись книгам покойного г-на Плавильщикова, кои издано по сие время шесть, а с полным систем. реестром составляю число 8840 номеров, или званиев». Подписано «А. С.», то есть — Александр Смирдин.

Библиографы отмечают редкость и основной «Росписи» Плавильщикова и в особенности «Прибавлений» к ней, причем шестое из них считают почти ненаходимым. Редкостью «Роспись» Плавильщикова стала уже при Смирдине, что, кстати сказать, явилось одной из побудительных причин форсирования составления им собственной «Росписи».

Как известно, основную «Роспись» Плавильщикова, изданную в 1820 году, составлял приглашенный им В. Г. Анастасевич. Им же было составлено первое к ней прибавление и указатель авторов. Последующие пять прибавлений составляли Смирдин и Цветаев.

Здесь необходимо отметить роль и самого Василия Плавильщикова в создании первоначальной «Росписи». Еще до приглашения В. Г. Анастасевича он сам не мало потрудился над составлением каталога своей библиотеки.

Дело в том, что «Роспись» 1820 года в действительности вовсе не является первоначальным или первым изданием печатного списка книг, принадлежавших В. А. Плавильщикову. До этой «Росписи» В. А. Плавильщиков в 1817 году сам составил и напечатал каталог своей библиотеки под названием: «Библиотека для чтения, находящаяся у Синего моста на углу, в доме г-жи надворной советницы Гавриловой, под № 168» (Спб., в тип. В. Плавильщикова, 1817. 232 стр.). К этому каталогу было издано и прибавление, с продолжающейся пагинацией страниц от 233 до 263. В каталоге было описано всего около 3500 названий.

Количество это, правда, вдвое меньше, чем количество названий в «Росписи» 1820 года, составленной В. Г. Анастасевичем, но оно включало лучшие книги библиотеки В. А. Плавильщикова.

В работах дореволюционных и советских библиографов (кроме упомянутой ранее статьи Н. Н. Аблова) этому действительно первоначальному «эмбриону» ставшей потом знаменитой «Росписи» Смирдина почти не уделялось внимания. Не было этого каталога и в большинстве обширных собраний книг по библиографии у дореволюционных собирателей. А между тем, как для истории самой библиотеки Плавильщикова-Смирдина, так и для истории создания последующих «Росписей» 1820 и 1828 года этот, библиографически крайне несовершенный, каталог имеет немаловажное значение.

Книги в этом первоначальном каталоге расположены по «азбучному порядку». Однако «порядок» этот настолько свое-

образен, что стоит привести оглавление этого каталога, дающее некоторое представление и о составе библиотеки. Оглавление это такое:

«Августина, сочинения.
Виландовы, сочинения.
Вольтеровы, сочинения.
Жанлис, сочинения.
Журналы, ежегодные, ежемесячные, еженедельные и периодические издания.
Карамзина, сочинения.
Коцебу, сочинения.
Лафонтеновы, сочинения.
Мейснера, сочинения.
Поэмы.
Путешествия.
Радклиф, сочинения.
Руссо, сочинения.
Сказки.
Сочинения разных авторов.
Списса, сочинения.
Г-жи Сталь-Гольдштейн, сочинения.
Фенелона, сочинения.
Штиллинга, сочинения.
Эмина, сочинения.
Медицина.
Экономия.
Театральные пьесы: драмы, комедии, оперы, трагедии.
Разные сочинения, принадлежащие театру».

Между этими рубриками, выделенными по первой букве фамилий авторов, или по первой букве наименования разделов, помещались книги различного содержания уже по первой букве заглавия. Так называемый «немецкий» метод описания книг по существенному слову (например, не «Словарь русских суеверий», а «Суеверий Словарь русских») применялся Плавильщиковым в своем первом каталоге в весьма редких случаях. В «Росписи» 1820 года, составленной В. Г. Анастасевичем, этот метод доведен был составителем почти до абсурда. А. Ф. Смирдин в своей «Росписи» 1828 года начисто отверг этот метод, чем не мало содействовал успеху своей работы.

Мы знаем, что основатель библиотеки Василий Плавильщиков начал собирать книги исключительно для пополнения собственного образования в Москве, в конце 18-го века, до своего переезда в Петербург. Это было время разгрома книжной торговли Н. И. Новикова, когда перепуганная французской революцией Екатерина II тысячами уничтожала книги. По ее приказу они отбирались у книготорговцев, изымались из складов и хранилищ. Архиепископ Платон, которому было поручено

просмотреть книги, нашел многие из них «сумнительными и могущими служить к разным вольным мудрованиям, а потому к заблуждению и разгорячению умов»⁴³.

На Плавильщикова, как частного собирателя собственной библиотеки, правительство почти не обращало внимания и он сберег многие интересные книги от уничтожения, храня их у себя на полках. В его библиотеку вошли все замечательные книги 18-го и первой половины 19-го века: книги Вольтера, Руссо, Дидро, Д'Аламбера, подбор произведений русских классиков, коллекция новиковских изданий, ряд книг, отражающих французскую революцию 1789 года. Все это усердно собиралось библиофилом Плавильщиковым.

Когда в 1812 году умер его знаменитый брат, актер и писатель Петр Плавильщиков, к библиофилу Василию Плавильщикову перешло по наследству все его богатое собрание книг «по театру», включая такой раритет, как 39 том «Российского Феатра» с «Вадимом Новгородским» Я. Княжнина и многое другое.

В 1815 году в Петербурге Василий Плавильщиков сделал свою личную библиотеку одной из первых коммерческих библиотек в России.

Библиотека продолжала непрерывно пополняться лучшими книгами, как новыми, так и прежде изданными, и если первый каталог 1817 года со всеми дополнениями включал всего 3500 названий, то уже новая «Роспись» библиотеки, составленная с помощью В. Г. Анастасевича и изданная в 1820 году, имела 7009 названий, а вместе с шестью дополнениями, из которых два последних были издания уже Смирдиным, приемником Плавильщикова — 8400 названий.

А. Ф. Смирдин, усерднейшим образом пополнял библиотеку. В его «Росписи» 1828 года, вместе с первыми к ней двумя дополнениями 1829 и 1832 года, описано 12035 названий.

Разумеется состав библиотеки по «Росписи» Плавильщикова 1820 года и по «Росписи» Смирдина 1828—1832 годов, даже если не принимать во внимание значительных пополнений, тоже не абсолютно одинаков. Какая-то часть книг в смирдинской «Росписи» отсутствует, очевидно, как «зачитанная», или исключенная по каким-либо другим причинам. Поэтому «Роспись» Плавильщикова 1820 года сохраняет, помимо исторического значения, и некоторую практическую ценность.

Так же, как и Плавильщиков, Смирдин пополнял свою библиотеку не только новыми книгами, но и книгами, изданными прежде, почему его «Роспись» дает довольно полную картину всего репертуара русских книг гражданской печати до 1832 года включительно. Продолжая линию Плавильщикова, Смирдин не стеснялся собирать и хранить в своей библиотеке труды авторов, одно упоминание имен которых было строжайше запрещено цензурой. В его «Росписи», изданной в 1828 году,

фигурируют труды декабристов К. Рылеева, А. Бестужева, В. Кюхельбекера и многих других. Имена их значатся и в «Указателе» к «Росписи». Повидимому цензура еще мало обращала внимания на содержание трудов библиографов и Смирдин этим широко пользовался. Даже указывая цену книгам своей библиотеки, Смирдин, оценивает, например, «Полярную звезду» А. Бестужева и К. Рылеева в 100 рублей, цену во много превышавшую номинальную стоимость альманахов. Смирдин подчеркивает антикварное значение этих книг, ставших редкими и вздорожавшими из-за событий 14-го декабря 1825 года.

Выпустив «Прибавление» 1832 года к своей «Росписи», Смирдин, с помощью библиографа Ивана Павловича Быстрова, начал составление третьего «Прибавления», первая часть которого была набрана в 1847 году, но ввиду полного расстройств дел Смирдина, не отпечатана. Имеются редчайшие его корректурные экземпляры.

Однако работа эта не пропала и вошла полностью в третье «Прибавление», напечатанное в 1852 году приемником Смирдина — Петром Крашенинниковым, выпустившим в 1856 году так же и четвертое прибавление к «Росписи» Смирдина. Оба эти прибавления начинают счет названий книг с последнего номера смирдинской «Росписи» — 12037 и кончаются номером 18364, на котором, собственно и заканчивается дальнейший рост и существование смирдинской библиотеки.

Прежде, чем говорить о дальнейшей судьбе самого этого книжного собрания, необходимо остановить внимание на переходе библиотеки из рук Смирдина в руки его приказчика Петра Ивановича Крашенинникова, которому принадлежит честь выпуска указанных выше третьего и четвертого прибавлений к «Росписи» Смирдина.

Время расцвета издательской деятельности А. Ф. Смирдина, как известно, тридцатые годы прошлого столетия. Уже в самом начале сороковых годов дела Смирдина резко пошатнулись и он был вынужден заложить склады отпечатанных им книг сначала архитектору Академии наук Д. Е. Филиппову (за 70.000 рублей), а затем книгопродавцу Матвею Дмитриевичу Ольхину, взимавшему, кстати сказать, со Смирдина ростовщические проценты. Пошла в залог и библиотека.

За невыкупом, значительная часть книг Смирдина осталась во владении Ольхина и он в 1842 году открыл самостоятельную книжную торговлю, издательство и библиотеку для чтения.

Библиотека и магазин Ольхина находились на Невском, против арсенала Аничкова дворца в доме Заветного. Тот же библиограф И. П. Быстров, начавший составлять третье «Прибавление» к «Росписи» Смирдина, составил для Ольхина «Систематический реестр русским книгам с 1831 по 1846 год», включавший в себе 6632 названия книг. Этот «Реестр» является

своего рода дополнением к «Росписи» Смирдина и служит промежуточным справочником между вторым и третьим-четвертым прибавлениями к «Росписи».

Фирма М. Д. Ольхина действовала недолго. Открывшись в период кризиса книжной торговли, она уже в конце 1847 года прогорела и сам М. Д. Ольхин был объявлен несостоятельным.

В это же время смирдинская библиотека полностью переходит в руки приказчика Смирдина П. И. Крашенинникова. В весьма ныне редком специальном проспекте его библиотеки для чтения, выпущенном с рекламной целью в 1859 году и украшенном гравюрой с изображением нового помещения библиотеки на б. Михайловской площади, в доме католической церкви, говорится: «Означенная библиотека есть та самая, которая в 1815 году открыта была В. А. Плавильщиковым и по смерти его перешла в 1823 году к известному книгопродавцу Александру Филипповичу Смирдину. С 1847 года она находится в моем владении, т. е. более 11-ти лет».

Далее в проспекте рассказывается о значимости и полноте библиотеки, существующей почти полстолетия, и сообщается о том, что «В 1828 году составлен был и издан А. Ф. Смирдиным обширный каталог книг, находившихся в его библиотеке. Впоследствии было издано четыре продолжения, из которых последнее напечатано в 1856 году».

Мы уже знаем, что это «Продолжение», так же как и предыдущее, выпущенное в 1852 году, изданы были уже самим Крашенинниковым. Изданы они с полным вниманием к предыдущему владельцу библиотеки и скромно именуется «Продолжениями к прежде изданным росписям А. Ф. Смирдина». В проспекте Смирдин еще раз называется не только издателем, но и составителем своей «Росписи».

Значимость работы А. Ф. Смирдина, как библиографа, отметил и П. И. Быстров, составлявший «Реестр» Ольхина. В предисловии к «Реестру» он пишет: «Роспись А. Ф. Смирдина по 1832 год была единственным, драгоценным для нас руководством библиографическим».

В 1864 году последний владелец смирдинской библиотеки П. И. Крашенинников умер. Через два года после его смерти вдова продала дело, а библиотеку свалила на хранение в склады известной коммерческой библиотеки Черкасова. В этих складах смирдинская библиотека пролежала до 1880-х годов, когда ее приобрел для своего магазина рижский книгопродавец Н. Киммель.

Не считаясь с тем, что в его руки попал своеобразный и чрезвычайно ценный памятник эпохи, который надо было бы сохранить в неприкосновенности, Киммель поторопился распродать в розницу книжные богатства, накопленные Плавильщиковым, Смирдиным и Крашенинниковым.

Единственной заслугой Киммеля надо признать то, что он предварительно выпустил тщательно составленные каталоги почти всей смирдинской библиотеки. Знаменитая «Роспись» Смирдина получила как бы новое рождение, с весьма важными фактическими поправками, касающимися полноты изданий, их вида, степени сохранности и т. д.

Все это было сделано с чисто коммерческими целями, но вне зависимости от них, каталоги Киммеля имеют немалое историко-библиографическое значение. Каталоги эти составлены М. Штумбергом, многолетним сотрудником издательства Киммеля. Их всего шесть: богословие и философия (2035 номеров), правоведение, политика и экономические науки (1215 номеров), история и география (2262 номера), словесность (3240 номеров), романы и повести (2267 номеров) и военные и морские науки (897 номеров). Всего в шести каталогах описано около 12 тысяч названий, составляющих главнейшую часть смирдинской библиотеки. Описание остальной части библиотеки (книги по математике, технологии, медицине, естествознанию и др.) Киммель не издал.

Небольшую часть наиболее интересных книг, в особенности с дарственными надписями авторов Смирдину, книгопродавец Киммель оставил для своего собрания, значительная часть книг была приобретена Публичной библиотекой (ныне им. Салтыкова-Щедрина), часть попала к собирателю Шапову (библиотека его находится в Гос. исторической библиотеке в Москве), часть попала к библиографу П. А. Ефремову и другим.

В 1929 году в ленинградской «Вечерней Красной газете» премелькнула заметка, сообщающая о нахождении в Латвии библиотеки Смирдина. Повидимому речь шла о книгах, попавших в личное собрание Киммеля. Дальнейшая судьба их неизвестна.

Так закончила свое существование славнейшая библиотека, начатая собирателем Василием Плавильщиковым, дополненная книгами его брата, русского актера Петра Плавильщикова, достигшая расцвета при А. Ф. Смирдине и впоследствии еще пополненная последним ее владельцем — П. И. Крашенинниковым.

Нам остались ее «Росписи», созданные объединенными усилиями В. А. Плавильщикова, В. Г. Анастасевича, Д. И. Языкова, А. Ф. Смирдина, Ф. Ф. Цветаева, И. П. Быстрова и возможно других помощников и продолжателей дела А. Ф. Смирдина, главнейшая и основная роль которого в создании этого труда не подлежит сомнению.

6. ЗАКАТ СМИРДИНА

Время, в которое жил и работал А. Ф. Смирдин, охватывает двадцатые, тридцатые, сороковые и почти целиком пятидесятые годы прошлого столетия. Каждое десятилетие этой эпохи имеет свои существенные исторические отличия, в зависимости от которых менялись и растущие вкусы читателей. Творчество Пушкина, Лермонтова и в особенности Гоголя в тридцатых годах не понималось еще в той мере, в какой начало пониматься в сороковых. Торжество новой «натуральной школы», т. е. школы русского критического реализма, наступает с середины сороковых годов, на гребне которых звездами первой величины засверкали имена Белинского, Герцена, Тургенева, Достоевского, Григоровича и Некрасова.

Литературные события были связаны с событиями политическими. Полоса экономического кризиса, в который русская монархия вступила еще с конца двадцатых годов, с начала сороковых стала приближаться к вершинам своего обострения. Значительно усилилась классовая борьба. Крестьянские, рабочие и солдатские волнения подтачивали ненавистный крепостнический строй.

Общий экономический кризис сказался и на книгопродавческой деятельности. Он был одним из главных факторов начавшегося разорения А. Ф. Смирдина.

Были, конечно, и другие причины. Историк деятельности одного из конкурентов Смирдина, фирмы Глазуновых, останавливает внимание на нижеследующем: «Уменьшение покупателей на книги, представлявшие так называемую изящную литературу, т. е. повести, романы и прочее, в начале сороковых годов, кроме оскудения талантов, следует приписать отчасти возникновению и процветанию в это время толстых ежемесячных журналов, в которых обильно помещалась этого рода литература»⁴⁴.

Но Смирдин сам еще владел таким «толстым» журналом — «Библиотекой для чтения», и, однако, это ему не помогло. Жур-

РУССКАЯ
БЕСѢДА.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІИ

РУССКИХЪ ЛИТЕРАТОРОВЪ.

ИЗДАВНОЕ

ВЪ ПОЛЕЗУ А. Ф. СМЕРДИНА

ТОМЪ I.

САНКТШТЕРБУРГЪ.

1841.

нал Смирдина тоже влачил уже хиреющее существование, так как представлял орган группы отживающих литераторов, к которым читательский интерес падал с каждым днем.

Расстановку литературных сил того времени Белинский оценивал так: натуральная школа «...с ожесточением преследуется двумя литературными партиями — неестественною или риторическою, состоящей из отставных беллетристов, и славянофильскою»⁴⁵. В число «отставных беллетристов» попадали Кукольник, Сенковский, Булгарин, Греч, Загоскин, Полевой. Тяжким камнем многолетней связи и взаимных обязательств повисли «отставные литераторы» на шею Смирдина и тянули его на дно, безжалостно разоряя.

Еще в 1834 году Никитенко писал в своем «Дневнике»: «Смирдин истинно честный и добрый человек, но он мало образован и, что всего хуже для него, не имеет характера. Наши литераторы владеют его карманом, как арендою. Он может разориться по их милости. Это было бы настоящим несчастьем для нашей литературы».

И вот разорение наступило. Уже в 1841—1842 годах на витринах книжных лавок появились три пухлые тома сборника «Русская беседа. Собрание сочинений русских литераторов», с припиской на титульном листе «Издаваемое в пользу А. Ф. Смирдина». Крупнейший и недавно еще богатейший издатель позвал на помощь писателей. На появление сборников Белинский отозвался статьей, сочувственнейшей о самом Смирдине и крайне сдержанной о их содержании.

Издание «Русской беседы» мало помогло Смирдину. Сборники не имели успеха, так как более чем на две трети были заполнены творениями тех самых «отставных беллетристов», к которым читатели утратили всякий интерес.

Не помогла Смирдину и правительственная субсидия, на которую в конце-концов «расшедрился» Николай I. Эта, с позволения сказать, «щедрость» была чисто показной, как все, чем иногда приходил, якобы, на помощь отечественной литературе «просвещеннейший из монархов». Н. Полевой в письме к брату так рассказывает об этой «помощи»: «Дела Смирдина не только не улучшаются, но кажется ухудшаются. Ему вышло теперь пособие от государя: велено дать тридцать тысяч рублей серебром на шесть лет займа с залогом. Но чтобы выкупить залог из частных рук, он употребит почти всю сию сумму, и что же из того? Он переложит только книги из кладовых Филиппова, Ольхина и Жернакова в казенные кладовые, а дела его останутся прежние... Долгов его счет потерян»⁴⁶.

С февральской книжки 1841 года имя Смирдина уже не появляется как имя издателя на титульном листе журнала «Библиотека для чтения».

Но Смирдин еще не сдается. Он героически борется, теперь он занят уже только одной мыслью, которую в том же письме

сообщает своему брату Полевой: «Он хочет все заплатить и лучше остаться нищим, нежели бесчестным...».

В 1842 году в «Северной пчеле» (№ 242) появляется такое объявление Смирдина:

«Имея большой запас книг по всем отраслям знаний, а также по части изящной словесности, и желая способствовать распространению в России полезного и приятного чтения и выручить некоторую сумму для новых предприятий по книжной торговле, нижеподписавшийся решился значительное количество имеющихся у него книг обратить в лотерею, которая могла бы за самую ничтожную плату доставить любителям чтения значительное число разнообразных произведений известных русских авторов и переводов замечательных сочинений. Наме-рение мое удостоилось позволения правительства».

Розыгрыш этой лотереи состоялся в начале 1843 года. Книг было разыграно на 300 тысяч рублей ассигнациями. Лотерея имела успех и несколько отсрочила окончательную гибель Смирдина. Кредиторы примолкли. Через год Смирдин объявляет вторую лотерею, уже на общую сумму 400 тысяч рублей. Лотерея была беспроигрышной. В продажу было пущено 20 тысяч билетов по пять рублей ассигнациями. Кроме мелких выигрышей, несколько было крупных. Эта лотерея прошла менее успешно, показав, что дальнейшее проведение таких розыгрышей никакой пользы уже не даст. Самому Смирдину эти лотереи помогли мало: все деньги немедленно переходили в руки кредиторов. Но делу книготорговли эти лотереи принесли несомненную пользу, так как несколько оживили рынок.

Вспомнив об успехе первого издания своего «Новоселья», Смирдин затевает второе его издание и выпускает в 1845—1846 годах три тома сборника под тем же названием. Внешне второе издание «Новоселья» уже не такое роскошное, но за то к нему прибавляется третий том, с новыми произведениями. Однако эти новые произведения написаны в подавляющем большинстве пером тех же самых «отставных беллетристов», имена которых уже никак не способствуют успеху издания.

Белинский сурово встречает эту попытку воскресить когда-то имевший успех альманах, ныне кажущийся старомодным и ненужным. То, что было хорошего в старом «Новоселье», давным давно перепечатано в книгах авторов, а то что не перепечатано или ново — безнадежно плохо⁴⁷.

К этому времени Смирдин уже лишился и своей библиотеки, и роскошного помещения, в котором была его знаменитая книжная лавка. По-существу он уже не владелец книготорговли, а как бы приказчик собственных кредиторов.

Новое, куда более скромное помещение снимает Смирдин в 1847 году для своей книжной лавки. Это тоже на Невском, у Казанского моста в доме Энгельгардта. В 1845—1846 годах выходит последний изданный им литературный сборник, состав-

ленный В. А. Сологубом. Сборник называется «Вчера и сегодня». К первой части сборника приложена гравированная картинка, рисованная, по всей вероятности, художником Агиным. На картинке — открытое окно книжного магазина, в окне — продавец, окруженный толпой покупателей. В журнале «Иллюстрация» (1845, № 3) эта картинка повторена и под ней имеется следующая подпись:

«Вчера и сегодня. Альманах в тетрадах, собранный графом В. А. Сологубом, издание А. Смирдина. Сколько подарков на светлый праздник! Прогуливаясь по Невскому — подойдите к этому окну, к этому новому книжному магазину. Радушный хозяин в окне А. Ф. Смирдин найдет чем занять ваше любопытство. Впереди у него много затей на пользу словесности новой, во славу словесности старой».

Но время для «многих затей» издателя Смирдина миновало. На «затей» нужны были деньги, а их не было. Ничего уже не было, кроме долгов. Примерно в 1846 году и эта новая книжная лавка Смирдина закрывается навсегда.

Казалось бы ничто не могло поднять дух человека, сломленного столь многочисленными неудачами. Но Смирдин — человек необыкновенный. Разоренный, нуждающийся уже просто в удовлетворении самых насущных потребностей, он 25-го июля 1846 года пишет письмо в Москву М. П. Погодину:

«На переданное мне Вами желание... некоторых московских особ сделать мне временное денежное пособие для совершенного окончания стесненного обстоятельства, дабы мне вновь можно было начать действовать, я с своей стороны, сообразив хорошенько, нахожу для себя выгодным в теперешнее время переселиться в Москву и там начать новое свое возрождение, а посему почел бы для себя величайшим благом, если бы мог только заслужить доверенность такого рода.

...Мне необходимо нужно 15 тысяч рублей серебром для освобождения моих книг от залога (реестр к-х прилагаю и которые могут послужить обеспечением) и для уплаты кредиторов.

По переезде в Москву мне нужно будет на издание книг, а равно и для устройства книжной торговли десять тысяч рублей серебром, всего 25 тысяч руб. сер., к-е и обязуюсь уплатить с процентами в течение пяти лет, начиная платеж с 1848 года по пяти тысяч рублей в год.

Я по переселении в Москву начну действовать изданием многих полезных книг и надеюсь довести свои московские издания не уступающим иностранным как дешевизною, так и наружностью. Приму издание журнала, если угодно будет Вам уступить свой и при содействии гг. литераторов (к-е, я надеюсь, будут на моей стороне) можно будет довести до 3-х тысяч подписчиков, а смотря по обстоятельствам можно выхлопотать дозволение издавать и газету на подобие Пчелы и детский

СОЧИНЕНИЯ
ЛЕРМОНТОВА.

ТОМЪ I.

Издание Александра Смирдина.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ книжномъ Императорской Академіи Книжн.

1847.

М. Ю. Лермонтов. «Сочинения». Спб., изд. А. Смирдина, 1847. Титульный лист первого тома сочинений, вышедших в серии «Полное собрание сочинений русских авторов».

журнал не худо издавать в Москве, ни в чем не надобно будет отступать от С.-Петербурга, но превзойти его.

Я теперь предпринял издание всех русских авторов, чтобы сделать их доступными к приобретению всякому. Я избрал формат в 18-ю долю на манер издания Шарпантье иностранных классиков и [предполагаю] каждого автора продавать за том по одному рублю серебром. Начал печатать сочинения Державина, Ломоносова, Озерова и Фонвизина. Я могу это издание перевести в Москву»⁴⁸.

Переезд в Москву не состоялся, но то, что разоренный Смирдин не сдался, не упал духом, а начал издание грандиозной серии «Полного собрания сочинений русских авторов», продающейся по цене, доступной для всех, действительно поразительно. Это была последняя огромная услуга Смирдина русскому просвещению, русской литературе. Один из его современников отмечает: «В 1845 году Смирдин прекратил книжную торговлю, но не мог оставаться без любимого дела, и в 1847-м открыл в доме католической церкви контору издания русских классиков и высылку книг иногородним»⁴⁹.

Идея Смирдина казалась настолько убедительной и блестящей, что даже прижимистый М. П. Погодин раскошелился и дал просимую сумму. Дал, правда, под залог новых изданий, с немалыми процентами себе, как займодавцу, но дал. И опять имя Смирдина-издателя запестрело на страницах периодической печати, на какое-то время вновь привлекая к себе всеобщее внимание.

Материальных дел Смирдина издание «Полного собрания сочинений русских авторов» поправить не могло, долги были по-прежнему астрономически велики, но материальная сторона вопроса его всегда мало интересовала. Он был человек, одержимый любовью к книге, и сознание, что он опять приносит пользу отечественной литературе, еще на несколько лет подержало его бесконечную энергию.

Это последнее издательское предприятие Смирдина настолько значительно, что требует отдельного рассказа.

7. ПОСЛЕДНЯЯ УСЛУГА РУССКОМУ ПРОСВЕЩЕНИЮ И СМЕРТЬ СМИРДИНА

Идею создания дешевой серии «Полного собрания сочинений русских авторов» Смирдин, повидимому, заимствовал из советов Белинского. Последний, нападая и, порой, весьма жестоко на содержание многочисленных изданий Смирдина, почти всегда горячо поддерживал его как издателя, всячески отмечая аккуратность и типографское совершенство его издательской продукции. Попутно Белинский не скупился и на советы. В статье о вышедшем в свет в 1844 году девятом томе сочинений Жуковского Белинский высказал такие соображения: «...мы почти не имеем возможности пользоваться и тем, что произвела необширная деятельность наших немногих писателей: все они издавались и издаются у нас таким образом, что их сочинения нельзя иметь тем именно людям, которые и читают книги и покупают. Люди, которые были бы в состоянии приобретать не только книги, но и целые библиотеки, — эти то люди всего менее и всего реже покупают книги, особенно русские. Наша книжная торговля держится читателями или не весьма — богатыми, или и просто бедными»...

Далее Белинский приводит примеры цен на книги, помеченных в «Росписи» Смирдина: «Собрание сочинений Сумарокова, в десяти частях, цена выставлена сто рублей ассигнациями! Собрание сочинений Ломоносова, по этому каталогу, стоит шестьдесят рублей! Собрание сочинений Хераскова, в двенадцати частях, стоит, по этому каталогу, восемьдесят рублей! Сочинения Кантемира и Тредьяковского никогда не были изданы вполне, и чтобы собрать все сочинения Тредьяковского, как вы думаете, сколько по каталогу г. Смирдина должно употребить на это денег? — Триста тридцать восемь рублей ассигнациями!»⁵⁰.

Предприимчивый ум Смирдина нащупывает в этих высказываниях Белинского новое для себя дело. Он вспоминает о существовании знаменитой «Библиотеки» французского издателя Жерве Шерпантье, фирма которого прозябала в полной

неизвестности, пока владельцу ее в 1838 году не пришла счастливая мысль издавать сочинения французских писателей, в виде одинакового размера томиков, по крайне дешевой цене — 3 франка 50 сантимов за каждый. Успех был неслыханный и в короткое время фирма Шерпантье достигла полного расцвета.

По этому пути решает идти и Смирдин, избрав для издания «в новом формате, на хорошей бумаге» творения лучших русских писателей. Собрание сочинений Ломоносова выпускается им, вместо указанной Белинским цены в шестьдесят рублей ассигнациями, всего за три рубля в трех компактных томиках. За всего Тредьяковского в четырех точно таких же томиках Смирдин назначает цену всего три рубля пятьдесят копеек.

Однотомные собрания сочинений Державина, Дениса Давыдова, Озерова идут по рублю за том. Там, где собрания сочинений писателя на целый том не хватало, Смирдин соединяет произведения двух, а иногда и трех писателей вместе (например: Нахимов, Милонов и Судовщиков в одном томике, Грибоедов и Крюковский в одном томике и т. д.), продавая эти томики также по одному рублю. Исключение составили сочинения Лермонтова, два томика которых Смирдин пускает в продажу по цене три рубля за оба. Это компенсируется тем, что работы некоторых других писателей (Капнист, Измайлов и другие) продаются по полтора рубля за два тома. На круг, следовательно, вся серия идет по рублю за том. Десятитомная «История» Карамзина поступает в продажу за десять рублей.

Белинский приветствовал это издание такими словами: «Почтенному нашему книгопродавцу А. Ф. Смирдину, в продолжении его долговременной книгопродавческой деятельности приходило в голову много хороших мыслей к пользе русской литературы. Но никогда еще не приходило ему мысли более полезной, дельной и вместе остроумной, как мысль издания в маленьком и красивом формате, сжатою (компактною) печатью, полного собрания сочинений русских авторов. Не знаем, когда эта богатая мысль озарила впервые его книгопродавческую голову. Это решительно блистательнейшая мысль, какая только попадала в голову русского книгопродавца с тех пор, как существуют на Руси книгопродавцы!..»⁵¹.

Вместе с похвалами Белинского на Смирдина обрушивается и ряд упреков. Собрания сочинений издаются им без биографий и обзоров трудов писателей, без примечаний, что-то, порой, в собраниях пропускается, есть ошибки и опечатки.

Недостатки, о которых и Белинский говорил, что их «нельзя назвать неважными». Но как же не принять во внимание, в каких условиях издавал книги Смирдин? Даже в наше время, когда над изучением текстов того или иного классика трудятся целые институты, ошибки и недостатки замечаются критикой. А Смирдин один, буквально один, без денег, в долг, терзаемый кредиторами, отдавая, иногда, отпечатанные книги за четверть

цены, лишь бы оплатить за бумагу и печать следующих томов, выпускает за период с 1846 по 1856 год собрания сочинений более 35 авторов, примерно в семидесяти томах. За семьдесят рублей — целая библиотека!

Уже говорилось, что самому Смирдину издание этой библиотеки не приносит никаких материальных благ. Ксенофонт Полевой писал в «Северной пчеле» уже после смерти Александра Филипповича: «Эту последнюю услугу Смирдина недостаточно оценили. Должны были все покупать, хотя бы из уважения к его заслугам. Говорят, что его издания неисправны. Не все — «История государства Российского» — очень хорошо издана. Да и самые плохие из смирдинских изданий достаточно исправны для большинства читателей русских, не приученных нашими Дидотами и Шарпантье ни к роскоши, ни к правильности, ни к дешевизне книг. Мало покупают книг не от того, что они напечатаны не с дипломатической точностью: не покупают потому, что не имеют в них надобности. Вот почему не удостоилось надлежащего, т. е. огромного успеха и последнее полезное предприятие А. Ф. Смирдина»⁵².

Несомненно, что полному успеху этого предприятия Смирдина помешало и время. Русское общество в те дни занимали вопросы, далекие от изучения прошлого русской литературы. Журнал Некрасова «Современник», во главе с Белинским, а далее с Чернышевским и Добролюбовым являлся «властителем дум» передового русского читателя.

О том, в каких условиях приходилось Смирдину заниматься издательским делом в последнее десятилетие своей жизни, дает некоторое понятие письмо А. Ф. Бычкова к М. П. Погодину, ссудившему Смирдина деньгами: «...дела Смирдина, я не могу сообщить ничего приятного. В продолжении настоящего года он выкупил изданий только на 50 р. сер. А между тем плата за наем кладовой производится целый год мною, ибо в марте или апреле сего года он отказался от найма кладовой и я был вынужден нанять ее от вашего имени и плата за нее значительно превышает полученную сумму за выкупленные им издания. Причина, по которой нанята кладовая от вашего имени, состояла в том, что ее владелец хотел подать просьбу и обеспечить свой иск лежащими в ней книгами, а тогда бы вся стая кредиторов Смирдина кинулась на это вновь открытое имущество и чтобы отстоять его надлежало бы завести процесс». И далее: «...по моему мнению, остается принадлежащие вам издания классиков перевезти в Москву, где продажою их в руки книгопродавцов по уменьшенной цене можно будет хотя бы отчасти выручить капитал, данный вами Смирдину»⁵³.

Из этого письма видно, что кредиторы Смирдина, теряя последние надежды на поправку его материальных обстоятельств, начали затягивать петлю. Последний акт трагедии был уже недалек.

Открытое Смирдиным бюро по снабжению книгами провинции, нечто вроде нашего учреждения «книга-почтой», окончательно запутало его в долговых сетях. Получаемые из провинции деньги на требуемые книги Смирдин часто пускал в оборот, а потом бегал по книжным лавкам, униженно выпрашивая кредита хотя бы на несколько десятков рублей. Но книготорговцы, еще недавно сами широко бравшие в кредит у Смирдина, отказывали ему и в этом.

И то, чего больше всего боялся Смирдин, пришло: его объявляют несостоятельным должником.

За два-три года до этого исполняется мечта его жизни — ему дают звание «потомственного почетного гражданина». Но звание это только усугубляет трагедию. «Потомственный почетный гражданин» и в то же время «несостоятельный должник» — по тому времени — казалось бедой непоправимой...

И беда сгибает Смирдина окончательно. Больной, почти нищий, оставленный всеми, Александр Филиппович Смирдин, бывший «глава и распорядитель» целого «смирдинского периода русской словесности», 16-го сентября (по старому стилю) 1857 года умер.

Через три дня (19-го сентября) тело его из последнего бедного жилища на Песках отвозят на Волково кладбище и предают земле.

Похороны были более чем скромные.

Единственный человек, который почтил бы его память правдивым и страстным некрологом, — Белинский — сам уже давно лежал в могиле.

Из появившихся после смерти Смирдина статей обращает на себя внимание статья Ксенофонта Полевого в «Северной пчеле».

В ней есть такие строчки: «На похоронах присутствовало очень мало литераторов. Восемь-девять человек, во много раз меньше, чем на его новоселье... Но где же были в час погребения Смирдина те писатели, которые обязаны ему так много? Почему не явились все, находящиеся теперь в Петербурге, литераторы, хотя бы и не обязанные чем-нибудь Смирдину лично? Неужели можно быть равнодушным к человеку, памятного множеством пользы, принесенной им русской литературе, русскому просвещению и не почитать этого личной услугой каждому грамотному человеку?»⁵⁴.

Смирдин умер накануне пятидесятилетнего юбилея своей книгопродавческой деятельности. В 1807 году, тринадцатилетним мальчиком, в Москве, в книжной лавке дяди своего Ильина, продал он первую книгу в своей жизни.

В начале 1857 года, еще при жизни Смирдина, петербургские книгопродавцы С. Базунов, М. Вольф, И. Глазунов, А. Давыдов, В. и Я. Исаковы, Кораблев, Серяков, П. Крашенинников, С. Лоскутов, Н. Овсянников, В. Печаткин, П. Ратьков и

Ю. Юнгмейстер вознамерился издать в пользу Смирдина большой, шеститомный литературный сборник.

Часть перечисленных лиц была из бывших приказчиков Смирдина, часть из его давних конкурентов, часть из новых книгопродавцев, знавших о расцвете дел Смирдина уже только по рассказам.

Сборники эти выходом опоздали. Отпечатанные в 1858 — 1859 годах они имели заглавие: «Сборник литературных статей, посвященных русскими писателями памяти покойного книгопродавца-издателя Александра Филипповича Смирдина. Издание петербургских книгопродавцев на пользу семейства А. Ф. Смирдина и на сооружение ему памятника».

Содержание сборников было пестрым, как содержание почти всех, так называемых «благотворительных» сборников, и шли они, повидимому, туго. Во всяком случае, в 1863 году нераспроданные первые четыре части продавались уже с новыми титульными листами, на которых было напечатано: «Современники. Сборник литературных статей, посвященных памяти А. Ф. Смирдина».

Среди фамилий книгопродавцев, издававших эти сборники, значилось также наименование новой книгопродавческой фирмы «А. Смирдин (сын) и Компания».

Я пропустил ранее это наименование намеренно, чтобы рассказать отдельно о сыне Смирдина Александре Александровиче.

По сведениям «старого книгопродавца», чьи воспоминания уже цитировались, у Смирдина было четыре дочери и три сына. Старшему сыну Александру Смирдин, еще при жизни, помог открыть самостоятельную книжную торговлю. Деньги дал дядя Александра (очевидно, по матери) — Ф. Е. Нагель. Дело было сначала маленькое. Смирдин-отец мог помогать только советами, но и на это у него уже было мало сил. Ф. Е. Нагель пригласил в помощь своему племяннику довольно крупного книгопродавца-издателя Василия Егоровича Генкеля. Это был культурный человек из обрусевших прибалтийцев, впоследствии известный как первый переводчик сочинений Ф. М. Достоевского на немецкий язык.

Из уважения к фамилии старого Смирдина, Генкель в 1854 году делается сначала негласным компаньоном молодого Смирдина, а с 1857 года уже официально сливает свое дело под одной фирмой: «А. Смирдин (сын) и Компания». В первые годы своего существования обороты и дела фирмы пошли довольно успешно и она получает звание «поставщика императорского двора». Развивается и издательская сторона предприятия. Начатое старым Смирдиным дело издания «Полного собрания сочинений русских авторов» продолжается сыном, причем к старым писателям прибавляется ряд фамилий новых, современных. Издается многотомная серия беллетристических

произведений оригинальных и переводных, под названием «Библиотека для дач». Затевается издание периодического органа библиографического характера под названием «Русский библиографический листок» (1858 г., вышло 16 номеров).

Однако, несмотря на самые передовые методы торговли, открытие складов в провинции, выезды на Нижегородскую и другие ярмарки, дело, в конце концов, захирело. С 1861 года фирма «А. Смирдин (сын) и Компания» перестала существовать, а ровно через год молодой Александр Смирдин, заболев, умирает, не достигнув тридцатилетнего возраста.

С его смертью окончательно закрывается страница славной издательской и книгопродавческой деятельности фамилии Смирдиных, деятельности долгой и замечательной у отца и весьма краткой у сына.

Пометка «Издание Смирдина», столь привычная на множестве русских книг, навсегда исчезает с титульных листов новых изданий.

Однако слова Белинского, что Смирдину «не столько было важно нажитья через книги, сколько слить свое имя с русской литературой, внести его в ее летописи», — полностью оправдались. Имя книгопродавца и издателя Александра Филипповича Смирдина навсегда вписано в историю русского просвещения и русской литературы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Белинский В. Г. Полн. собр. соч., под ред. С. А. Венгерова, т. 1, стр. 390.
- Все дальнейшие ссылки на Белинского даны по этому собранию сочинений. Сокращенно именуется «Белинский — Венг.» и далее — том, страница.
2. Цифры о дореволюционной книжной продукции взяты из статьи Г. И. Поршнева в книге: Книжная торговля. М.-Л., 1925, стр. 108.
3. Белинский — Венг., т. 1, стр. 308.
4. Подробно об этом см.: Пушкин А. С., Сочинения, под ред. С. А. Венгерова, т. 6, Пг., 1915, стр. 498.
5. Там же, т. 5, стр. 451 (статья А. Г. Фомина «Пушкин и журнальный триумvirат 30-х годов»).
6. Белинский — Венг., т. 9, стр. 492: статья Белинского «Сто русских литераторов». Все приводимые далее слова Белинского о Смирдине до следующего, 7-го примечания — из этой статьи.
7. Бурнашев В. Из воспоминаний петербургского старожилы. Четверги у Греча. «Заря», 1871, апрель, стр. 26.
8. Краткий обзор книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых за сто лет. Спб., 1903, стр. 54.
9. Там же, стр. 52.
10. Бабинцев С. М. И. А. Крылов. Очерк его издательской и библиотечной деятельности. М., Изд-во Всесоюз. книж. палаты, 1955.
11. Сборник литературных статей, посвященных памяти А. Ф. Смирдина, т. 1, Спб., 1858, стр. 1 предисловия.
12. Краткий обзор книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых за сто лет. Спб., 1903, стр. 54.
13. Сборник литературных статей, посвященных памяти А. Ф. Смирдина, т. 1, Спб., 1858, стр. 316.
14. «Библиотека для чтения», 1857, т. 146, отд. «Смесь», стр. 253.
15. Сборник литературных статей, посвященных памяти А. Ф. Смирдина, т. 1, Спб., 1858, стр. 339.
16. Панаева А. Воспоминания. Л., «Academia», 1927, стр. 299.
17. В записке Пушкина, адресованной М. Л. Яковлеву. — «Библиографические записки», 1861, № 10, стр. 289.
18. «Библиотека для чтения», 1841, т. 47, отд. VI.
19. «Русский вестник» — т. 95 (?)
20. Полевой Кс. Записки. Спб., изд. Суворина, 1888, стр. 473, 479.
21. Сборник литературных статей, посвященных памяти А. Ф. Смирдина, т. 1, Спб., 1858, стр. 2 предисловия.
22. Там же.
23. «Улей» (изд. В. Г. Анастасевич), 1811, № 9, стр. 214. Стихотворение без подписи. Предположительно — П. Взметнев.
24. Обе цитаты из статьи «Новый книжный магазин г. Смирдина». — «Северная пчела», 1831, № 286. (Магазин и библиотека, повидимому, только еще заканчивались оборуодованием — Н.С.-С.).

25. «Книжный вестник Русского о-ва книгопродавцев и издателей», 1889, № 8 (статья «Из воспоминаний старого книгопродавца»).
26. Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 4. Спб., 1891, стр. 17.
27. Гоголь Н. В. Собр. соч., изд. АН СССР, т. 10, 1940, стр. 262.
28. Старчевский А. В. Воспоминания литератора. — «Ист. вестник», т. 45, 1891, стр. 311.
29. Краткий обзор книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых за сто лет. Спб., 1903, стр. 55.
30. «Современник», 1836, т. 1, статья Н. В. Гоголя «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 г.»
31. Белинский — Венг., т. 2, стр. 346 — статья «Ничто ни о чем или отчет г. Издателю «Телескопа» за последнее полугодие (1835) русской литературы». Все приводимые здесь цитаты о «Библиотеке для чтения» — из этой статьи.
32. Об этом эпизоде с рецензией Ф. Булгарина, равно как и слова о ней Белинского — см. Лермонтов М. Ю. Собр. соч., под ред. Д. И. Абрамовича, т. 4. Пг., 1916, стр. 385.
33. Письмо П. В. Нащокину в октябре 1835 года. См: Пушкин А. С. Сочинения, под ред. С. А. Венгерова, т. VI, Пг., 1915, стр. 148, № 617.
34. Дацюк Б. Д. Русская журналистика 30-х гг. XIX ст. М., 1948, стр. 13.
35. Стороженки. Фамильный архив, т. 3. Киев, 1907, стр. 64 — Цитируется по книге «Николай Полевой». Под ред. Вл. Орлова. Л., 1935, стр. 499.
36. Белинский — Венг., т. 9, стр. 520.
37. Отдел рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, фонд М. П. Погодина.
38. Белинский — Венг., т. 9, стр. 494.
39. «Московский телеграф», 1828, ч. XXII, стр. 583.
40. Сборник литературных статей, посвященных памяти А. Ф. Смирдина, т. I. Спб., 1858, стр. 321.
41. Соболевский С. Новые явления в русской библиографии. — «Русский архив», 1869, № 5, стр. 925.
42. Там же.
43. Лонгинов М. Н. Новиков и московские мартинисты. М., 1867, стр. 36.
44. Краткий обзор книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых за сто лет. Спб., 1903, стр. 80.
45. Белинский — Венг., т. 11, стр. 19.
46. Полевой Кс. Записки. Спб., 1888, стр. 529.
47. Белинский — Венг., т. 10, стр. 124.
48. Отдел рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, фонд М. П. Погодина.
49. Овсянников Н. Г. Воспоминания старого книгопродавца. — В кн.: Материалы по истории книжной торговли. Спб., 1879. То же, почти дословно, в статье В. Ф. Фреймана в журн. «Книговедение», 1895, № 3.
50. Белинский — Венг., т. 9, стр. 43.
51. Белинский — Венг., т. 10, стр. 430.
52. Полевой Кс. Воспоминания о А. Смирдине. — «Сев. пчела», 1857, № 21.
53. Отдел рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, фонд М. П. Погодина.
54. Полевой Кс. Воспоминания о А. Смирдине. — «Сев. пчела», 1857, № 21.

КРАТКИЙ СПИСОК ИЗДАНИЙ А. Ф. СМИРДИНА

1. «Роспись» 1828 года и «Прибавления» к ней.
2. Собрания сочинений и отдельные произведения русских авторов.
3. Серия «Полное собрание сочинений русских авторов».
4. Альманахи и сборники.
5. Журналы и газеты.

Примечание. В список не входят все научные издания А. Ф. Смирдина, а также изданные им переводы иностранных авторов. В разделе втором описаны лишь наиболее значительные издания. Возможны пропуски.

В описании, во избежание повторений, опущены пометки, указывающие на то, что издание выпущено А. Ф. Смирдиным («Издание А. Смирдина», «Издано иждивением А. Смирдина» и др.)

Список составлен по собранию автора.

1. «Роспись» 1828 года и «прибавления» к ней.

1. **Роспись** российским книгам для чтения, из библиотеки Александра Смирдина, систематическим порядком расположенная. В четырех частях, с приложением азбучной росписи имен сочинителей и переводчиков и краткой росписи книгам по азбучному порядку. Спб., тип. А. Смирдина, 1828. (20×12). XVI стр. (оглавление), 78 стр. (роспись имен), 712 стр. (роспись книгам), 93 стр. (алфавит названий). Экземпляр с портретом Плавильщикова.

Первое прибавление к Росписи российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина. Спб., тип. А. Смирдина, 1829. 68 стр.

Второе прибавление... Спб., 1832. 117 стр.

2. Собрания сочинений и отдельные произведения русских авторов

2. **Баратынский Е. А.** Стихотворения Евгения Баратынского. М., тип. А. Семена, 1835. Ч. 1-2. (22×13). Ч. 1. 240 стр.; ч. 2. 183 стр.
О принадлежности издания А. Ф. Смирдину см.: Пушкин А. С. Письма, под ред. Модзалевского, т. 3, стр. 551.
3. [**Бегичев Д. Н.**] Ольга. Быт русских дворян в начале нынешнего столетия. Спб., тип. А. Плюшара, 1840. Ч. 1-4. (18×12). Ч. 1. 226 стр.; ч. 2. 252 стр.; ч. 3. 216 стр.; ч. 4. 212 стр.
4. [**Бегичев Д. Н.**] Провинциальные сцены. Соч. автора «Семейства Холмских». Спб., тип. А. Смирдина, 1840. (18×11). Илл. загл. л., 428 стр., 2 л. илл.
5. **Булгарин Ф. В.** Иван Выжигин. Нравственно-сатирический роман. Соч. Фаддея Булгарина. Спб., тип. вдовы Плюшар, 1829. Ч. 1-4. (17×11). Ч. 1. Грав. фронтиспис. 222 стр., 1 л. илл.; ч. 2. 226 стр.; ч. 3. 261 стр., 1 л. илл.; ч. 4. 377 стр.
6. **Булгарин Ф. В.** Самозванец. Исторический роман. Соч. Фаддея Булгарина. Спб., тип. А. Смирдина, 1830. Ч. 1-4. (18×12). Ч. 1. Гравир. загл. л., 302 стр. 1 л. илл.; ч. 2. 301 стр., 1 л. илл.; ч. 3. 362 стр., 1 л. илл.; ч. 4. 517 стр., 1 л. илл.
7. **Булгарин Ф. В.** Сочинения Фаддея Булгарина. Изд. 2-е, исправленное. Спб., тип. А. Смирдина, 1830. Ч. 1-12 (17×11). Ч. 1. 211, XVII стр., 2 л. портр. и илл.; ч. 2. 230 стр., 1 л. илл.; ч. 3. 256 стр. 1 л. илл.; ч. 4. 226 стр., 1 л. илл.; ч. 5. 226 стр., 1 л. илл.; ч. 6. 237 стр., 1 л. илл.; ч. 7. 233 стр., 1 л. илл.; ч. 8. 235 стр., 1 л. илл.; ч. 9. 244 стр., 1 л. илл.; ч. 10. 210 стр., 1 л. илл.; ч. 11. 258 стр., 1 л. илл.; ч. 12. 214 стр., 1 л. илл.
8. **Булгарин Ф. В.** Мазепа. Соч. Фаддея Булгарина. Спб., тип. вдовы Плюшар с сыном, 1833—1834. Ч. 1-2. (20×13). Ч. 1. 1833. 368 стр.; ч. 2, 1834. 451 стр.

9. Булгарин Ф. В. Памятные записки титулярного советника Чухина или Простая история обыкновенной жизни. Соч. Фаддея Булгарина. Спб., тип. А. Смирдина, 1835. Ч. 1-2. (18×12). Ч. 1. 241 стр.; ч. 2. 294 стр.
10. [Вершинский]. Мечислан и Рослана. Русская сказка. Спб., тип. А. Смирдина, 1831. (22×15). 95 стр.
Сведения об авторе — см.: «Литературное наследство», т. 19-21, стр. 59.
11. [Гоголь Н. В.] Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные пасишником Рудым Панько. Спб., 1831—1832. Кн. 1-2. (18×11). Кн. 1. Тип. Департ. нар. просвещ., 1831. 244 стр.; кн. 2. Тип. А. Плюшара, 1832. 354 стр.— На задней обл. ч. 1: «Продается в книжном магазине А. Смирдина».
Одновременно с выходом в свет кн. 2-й, Смирдин, ссылаясь на то, что кн. 2-ую у него не покупали без кн. 1-й, отпечатал с нового набора дополнительно к основному тиражу кн. 1-й 150 экземпляров. (См.: Гоголь Н. В. Полн. собр. соч., изд. Акад. наук СССР, т. 1, стр. 504).
12. Греч Н. И. Черная женщина. Роман Николая Греча. Спб., тип. Н. Греча, 1834. Ч. 1-4. (21×13). Ч. 1. 192 стр.; ч. 2. 208 стр.; ч. 3. 112 стр.; ч. 4. 272 стр.
Указание на принадлежность издания А. Ф. Смирдину — см.: «Библиотека для чтения», 1834, т. 4.
13. Грибоедов А. С. Горе от ума. Комедия в четырех действиях, в стихах. Соч. А. С. Грибоедова. Спб., тип. Акад. наук, 1854. (17×12). 162 стр., 1 л. портр.
14. Давыдов Д. В. Сочинения в стихах и прозе Дениса Давыдова. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Спб., тип. А. Смирдина, 1840. Ч. 1-3. (22×14). Ч. 1. XV, 86 стр., 1 л. илл.; ч. 2. 182 стр.; ч. 3. 170 стр.
15. Державин Г. Р. Сочинения Державина. Спб., тип. А. Смирдина, 1831. Ч. 1-4 (23×14). Ч. 1. Гравир. загл. л., 342 стр., 1 л. портр.; ч. 2. Гравир. загл. л., 355 стр.; ч. 3. Гравир. загл. л., 203 стр.; ч. 4. Гравир. загл. л., 308 стр.— Имеются особые экз. с золотым обрезом.
16. Ершов П. П. Конек-горбунок. Русская сказка. Соч. П. Ершова. В 3-х частях. Спб., тип. Х. Гинце, 1834. (20×12). 122 стр.
О принадлежности издания А. Ф. Смирдину — см.: Пушкин А. С. Сочинения, под ред. С. А. Венгера, т. 6, Пг., 1915, стр. 219.
17. [Жукова М. С.] Вечера на Карповке. Изд. 2-е. Спб., тип. А. Смирдина, 1838. Ч. 1-2. (17×9). Ч. 1. 321 стр.; ч. 2. 478 стр.
18. Жуковский В. А. Баллады и повести В. А. Жуковского. Спб., воен. тип., 1831. Ч. 1-2. (19×11). Ч. 1. 277 стр., 2 л. илл.; ч. 2. 261 стр., 1 л. илл.
19. Жуковский В. А. Русская слава. Стихотворение В. Жуковского. Спб., тип. А. Смирдина, 1831. (21×13). 8 стр.
20. Жуковский В. А. Стихотворения В. Жуковского. Изд. 4-е, исправленное и умноженное. Спб., тип. Экспед. заготовл. гос. бумаг, 1835—1837. Т. 1-8. (25×16). Т. 1. 292 стр., 2 л. портр.; т. 2. 258 стр.; т. 3. 274 стр.; т. 4. 224 стр.; т. 5. 249 стр.; т. 6. 263 стр.; т. 7. 283 стр.; т. 8. 243 стр.
Том 9 был напечатан в 1844 г. в Спб., в издании Фишера.
21. Жуковский В. А. Ундина, старинная повесть, рассказанная на нем. языке в прозе бар. Ф. Ламотт Фуке. На русском в стихах В. Жуковским. Спб., тип. Экспед. заготовл. гос. бумаг, 1837. (23×15). 241 стр., 20 л. портр. и илл.
Портрет — только в подносных экземплярах.
22. Зотов Р. М. Фра-диаволо, или Последние годы Венеции. Исторический роман. Соч. Р. Зотова. Спб., тип. А. Смирдина, 1839. Ч. 1-4. (18×11). Ч. 1. 298 стр.; ч. 2. 305 стр.; ч. 3. 342 стр.; ч. 4. 251 стр.
23. Карамзин Н. М. История Государства Российского. Изд. 3-е. Спб., тип. А. Смирдина, 1830—1831. Т. 1-12. (19×12). Т. 1. 297, 156 стр.; т. 2. 367, 120 стр.; т. 3. 329, 79 стр.; т. 4. 346, 84 стр.; т. 5. 473, 78 стр.;

- т. 6. 433, 73 стр.; т. 7. 264, 48 стр.; т. 8. 362, 51 стр.; т. 9. 544, 92 стр.; т. 10. 320, 59 стр.; т. 11. 356, 52 стр.; т. 12. 382, 64 стр.
24. То же. Изд. 4-е. Спб., тип. вдовы Пюшар с сыном, 1833—1835. Т. 1-12.
25. Карамзин Н. М. Сочинения Карамзина. Изд. 4-е. Спб., тип. А. Смирдина, 1834—1835. Т. 1-9. (19 × 12). Т. 1. 261 стр.; т. 2. 178 стр.; т. 3. 193 стр.; т. 4. 205 стр.; т. 5. 252 стр.; т. 6. 249 стр. т. 7. 294 стр.; т. 8. 231 стр.; т. 9. 281 стр.
26. Козлов И. И. Безумная, русская повесть в стихах. Соч. Ивана Козлова. Спб., тип. А. Смирдина, 1830. (20 × 13). XI, 33 стр.
- 27-29. Козлов И. И. Собрание стихотворений Ивана Козлова. Спб., тип. Департ. Воен. м-ва, 1833. Ч. 1-2. (19 × 12). Ч. 1. 268; ч. 2. 292 стр.
То же. Изд. 2-е. Спб., 1834.
То же. Изд. 3-е. Спб., 1840.
- 30-33. Крылов И. А. Басни Ивана Крылова. В восьми книгах. Новое издание, вновь исправленное и умноженное. Спб., тип. А. Смирдина, 1830. (21 × 14). 309 стр.
В этом году А. Ф. Смирдин приобрел право на 10 лет издавать «Басни» И. А. Крылова. Это первое его издание.
То же. Спб., 1831. (21 × 14). 309 стр.
То же. Спб., тип. А. Смирдина, 1833. (21 × 13). 297 стр.
То же. Спб., тип. А. Смирдина, 1834. (19 × 21). 366 стр.
34. Крылов И. А. Басни Ивана Крылова. Спб., тип. А. Смирдина, 1834. Ч. 1-2. (25 × 21). Ч. 1. 187 стр., 48 л. илл.; ч. 2. 167 стр. 45 л. илл.— Рис. художника А. П. Сапожникова (контуром), раскрашенные от руки. Есть не раскрашенные экземпляры.
- 35-36. Крылов И. А. Басни Ивана Крылова. В восьми книгах. Тридцатая тысяча. Спб., тип. Экспед. заготовл. гос. бумаг, 1835. (10 × 8) 410 стр., 1 л. портр.
То же. Тридцать вторая тысяча. Спб., 1837.— Повторение предыдущего издания.
37. Крылов И. А. Басни Ивана Крылова. В восьми книгах. Сороковая тысяча. Спб., тип. Плюшара, 1840. (23 × 14). 300 стр., 2 л. портр. и илл.
38. Нарезный В. Т. Два Ивана или Стрость к тяжбам. Соч. В. Нарезного. М., Университет. тип., 1825. Ч. 1-3. (18 × 11). Ч. 1. 135 стр., 1 л. портр.; ч. 2. 117 стр.; ч. 3. 152 стр.— Издание комиссионеров Моск. ун-та А. Смирдина и А. Ширяева.
39. Нарезный В. Т. Славянские вечера. Соч. В. Нарезного. Спб., тип. А. Смирдина, 1826. Ч. 1-2. (17 × 11). Ч. 1. 268 стр.; ч. 2. 292 стр.
40. Нарезный В. Т. Романы и повести сочинения Василия Нарезного. Изд. 2-е. Спб., тип. А. Смирдина, 1835. Ч. 1-10. (17 × 11). Ч. 1. 308 стр.; ч. 2. 378 стр.; ч. 3. 141 стр.; ч. 4. 230 стр.; ч. 5. 294 стр.; ч. 6. 303 стр.; ч. 7. 347 стр.; ч. 8. 224 стр.; ч. 9. 230 стр.; ч. 10. 236 стр.— В каждой части гравир. загл. л.
41. Норов А. С. Путешествие по Сицилии в 1822 году, А. Норова. Спб., тип. А. Смирдина, 1828. Ч. 1-2. (23 × 14). Ч. 1. Фронтиспис, 245 стр., 5 л. илл.; ч. 2. Фронтиспис, 245 стр., 5 л. илл.
42. Пушкин А. С. Руслан и Людмила. Поэма Александра Пушкина. Изд. 2-е, исправленное и умноженное. Спб., тип. Департ. нар. просвещ., 1828. (21 × 12). XV, 159 стр., 1 л. портр.
43. Пушкин А. С. Борис Годунов. Спб., тип. Департ. нар. просвещ., 1831. (18 × 13). 142 стр.
На задней обложке — объявление о продаже книги в магазине А. Ф. Смирдина.
44. Пушкин А. С. Евгений Онегин. Роман в стихах. Соч. Александра Пушкина. Спб., тип. А. Смирдина, 1833. (20 × 12). 287 стр.
Первое полное издание «Евгения Онегина». До этого издавались отдельные главы.

45. Пушкин А. С. Поэмы и повести Александра Пушкина. Спб., Воен. тип., 1835. Ч. 1-2. (21 × 13). Ч. 1. 232 стр.; ч. 2. 221 стр.
46. Слепушкин Ф. Н. Досуги сельского жителя, стихотворения русского крестьянина Федора Слепушкина. Спб., тип. А. Смирдина, 1826. (20 × 12). 110 стр., 1 л. портр.
47. [Степанов А. П.] Постоялый двор. Записки покойного Горянова, изданные его другом Н. П. Маловым. Спб., тип. А. Смирдина, 1835. Ч. 1-4. (16 × 8). Ч. 1. 315 стр.; ч. 2. 282 стр.; ч. 3. 249 стр.; ч. 4. 249 стр.
48. Фукс Е. Собрание разных сочинений Е. Фукса. Спб., тип. А. Смирдина, 1827. (18 × 11). 236 стр., 1 л. портр.
49. Яковлев А. С. Сочинения Алексея Яковлева, придворного российского актера. Спб., тип. А. Смирдина, 1827. (27 × 14). 117, 15 стр., 1 л. портр.

3. «Полное собрание сочинений русских авторов»

Формат всех томов серии одинаковый — 17 × 11 см., в редких случаях на сантиметр больше в высоту. На обложках сначала идет общее название серии «Полное собрание сочинений русских авторов», а потом заглавие книги. Название серии напечатано в каждом томе и на специальном шмуц-титule.

50. Аблесимов А. О. Сочинения Аблесимова. Спб., тип. Я. Трея, 1849. 164 стр. — Издано вместе с сочинениями Е. И. Кострова.
51. Батюшков К. Н. Сочинения Батюшкова. Спб., тип. Акад. наук, 1850. Т. 1-2. Т. 1. 368 стр.; т. 2. 301 стр.
52. Богданович И. Ф. Сочинения Богдановича. Спб., тип. Акад. наук, 1848. Т. 1-2. Т. 1. 579 стр.; т. 2. 560 стр.
53. Веневитинов Д. В. Сочинения Веневитинова. Спб., тип. Акад. наук, 1855. 225 стр. — Издано вместе с сочинениями В. Л. Пушкина.
54. Гнедич Н. И. Сочинения Гнедича. Спб., тип. Я. Трея, 1854. 305 стр. — Продавалось вместе со вторым изданием сочинений И. И. Хемницера 1852 года.
55. Греч Н. И. Сочинения Николая Греча. Спб., тип. Я. Трея, 1855. Т. 1-3. Т. 1. 516 стр.; т. 2. 495 стр.; т. 3. 480 стр.
56. Грибоедов А. С. Сочинения Грибоедова. Спб., тип. Я. Трея, 1854. 298 стр. — Издано в одном томе с сочинениями М. В. Крюковского.
57. Давыдов Д. В. Сочинения Давыдова Дениса Васильевича. Спб., тип. кн. магазина П. Крашенинникова и комп., 1848. 640 стр.
58. [Даль В. И.] Повести, сказки и рассказы Казака Луганского. Спб., в Гутеберговой тип., 1846. Ч. 1-4. Ч. 1. 474 стр.; ч. 2. 477 стр.; ч. 3. 488 стр.; ч. 4. 529 стр.
59. Дельвиг А. А. Сочинения Дельвига барона Антона Антоновича. Спб., тип. А. Дмитриева, 1850. 162 стр. — Издано вместе с сочинениями Ю. А. Нелединского-Мелецкого.
60. Державин Г. Р. Сочинения Державина. Спб., тип. 2-го Отд. собств. е. и. в. канц., 1847. Т. 1-2. Т. 1. 760 стр.; т. 2. 835 стр.
61. Долгорукий И. М. Сочинения Долгорукого князя Ивана Михайловича. Спб., тип. Акад. наук, 1849. Т. 1-2. Т. 1. 527 стр.; т. 2. 546 стр.
62. Екатерина II. Сочинения императрицы Екатерины второй. Спб., тип. Акад. наук, 1849—1850. Т. 1-3. Т. 1. 666 стр.; т. 2. 611 стр.; т. 3. 504 стр. — Цена объявлена на 5 томов — 5 р. О выходе 4 и 5 томов сведения не найдены.
63. Измайлов А. Е. Сочинения Измайлова Александра Ефимовича. Спб., тип. Экспед. заготовл. гос. бумаг, 1849, Т. 1-2. Т. 1. 362 стр.; т. 2. 363-740 стр.
64. Кантемир А. Д. Сочинения Кантемира. Спб., тип. Экспед. заготовл. гос. бумаг, 1847. 260 стр. — В одном томе с сочинениями Хемницера.
65. Капнист В. В. Сочинения Капниста. Спб., тип. Акад. наук, 1849. 632 стр.

66. Карамзин Н. М. Сочинения Карамзина. Спб., тип. К. Крайя, 1848. Т. 1-3. Т. 1. 647 стр.; т. 2. 790 стр.; т. 3. 742 стр.
67. Карамзин Н. М. Сочинения Карамзина. История государства российского. Изд. 6-е. Спб., 1851—1853. Т. 1-12. Т. 1. 258 стр.; т. 2. 337 стр.; т. 3. 293 стр.; т. 4. 309 стр.; т. 5. 409 стр.; т. 6. 372 стр.; т. 7. 234 стр.; т. 8. 318 стр.; т. 9. 472 стр.; т. 10. 272 стр.; т. 11. 307 стр.; т. 12. 425 стр.— Цена указана почему-то: «За 10 томов — 10 рублей». Кроме того были изданы дополнительные четыре тома «примечаний». В описываемом собрании они отсутствуют.
68. Княжнин Я. Б. Сочинения Княжнина Якова Борисовича. Спб., тип. кн. магазина П. Крашенинникова и комп., 1847—1848. Т. 1-2. Т. 1. 1847. 720 стр.; т. 2. 1848. 677 стр.
69. Козлов И. И. Стихотворения Ивана Козлова. Спб., тип. Э. Веймара, 1855. Т. 1-2. Т. 1. 313 стр.; т. 2. 366 стр.
70. Костров Е. И. Сочинения Кострова. Спб., тип. Я. Трея, 1849. 501 стр.— Издано вместе с сочинениями А. О. Аблесимова.
71. Крюковский М. В. Сочинения Крюковского. Спб., тип. Я. Трея, 1854. 123 стр.— Издано вместе с сочинениями А. С. Грибоедова.
72. Кукольник Н. В. Сочинения Нестора Кукольника. Повести и рассказы. Спб., тип. И. Фишона, 1851—1852. Т. 1-3. Т. 1. 570 стр.; т. 2. 584 стр.; т. 3. 596 стр.
73. То же. Сочинения драматические. Спб., 1851—1852. Т. 1-3. Т. 1. 565 стр.; т. 2. 563 стр.; т. 3. 594 стр.
74. То же. Романы. Спб., 1851—1852. Т. 1-4. Т. 1. 857 стр.; т. 2. 579 стр.; т. 3. 430, 204 стр.; т. 4. 602 стр.
75. Лермонтов М. Ю. Сочинения Лермонтова. Спб., тип. имп. Акад. наук, 1847. Т. 1-2. Т. 1. 390 стр.; т. 2. 510 стр.
76. Ломоносов М. В. Сочинения Ломоносова. Спб., тип. 2-го отд. собств. е.и.в. канц., 1847. Т. 1-3. Т. 1. 807 стр.; т. 2. 587 стр. (с 15 рис.); т. 3. 719 стр.
77. То же. Изд. 2-е. Спб., тип. А. Дмитриева, 1850. Т. 1-3.
78. Марлинский А. [Бестужев А. А.]. Второе полное собрание сочинений А. Марлинского. Изд. 4-е. Спб., тип. М-ва гос. имуществ, 1847. Т. 1-4. Разбито на 12 частей: 150, 158, 162 стр. в 1 томе; 165, 165, 234 стр. в 2 т.; 198, 179, 189 в 3 т.; 197, 224, 85 стр. в 4 т. Принадлежность к серии «Полное собрание сочинений русских авторов» не достоверна, хотя внешне издание очень похоже на серию.
79. Милонов М. В. Сочинения Милонова. Спб., тип. Акад. наук, 1859. 183 стр.— Издано вместе с сочинениями А. Н. Нахимова и Судовщикова.
80. Муравьев М. Н. Сочинения Муравьева. Спб., тип. Акад. наук, 1847. Т. 1-2. Т. 1. 445 стр.; т. 2. 384 стр.
81. Нахимов А. Н. Сочинения Нахимова. Спб., тип. Акад. наук, 1849. 170 стр.— Издано вместе с сочинениями Милонова и Судовщикова.
82. Нелединский-Мелецкий Ю. А. Сочинения Нелединского-Мелецкого. Спб., тип. А. Дмитриева, 1850. 186 стр.— Издано вместе с сочинениями Л. А. Дельвига.
83. Озеров В. А. Сочинения Озерова. Спб., тип. 2-го отд. собств. е. и. в. канц., 1846. 452 стр.
84. То же. Изд. 2-е. Спб., тип. Экспед. заготовл. гос. бумаг, 1847.
85. Погорельский Антоний [Перовский А. А.] Сочинения Антония Погорельского. Спб., тип. Акад. наук, 1853. Т. 1-2. Т. 1. 465 стр.; т. 2. 407 стр.
86. Пушкин В. Л. Сочинения Пушкина Василия Львовича. Спб., тип. Акад. наук, 1855. 157 стр.— Издано вместе с сочинениями Д. В. Веневитинова.
87. Судовщиков. Сочинения Судовщикова. Спб., тип. Акад. наук, 1849. 169 стр.— Издано вместе с сочинениями А. Н. Нахимова и М. В. Милонова.

88. **Растопчин Ф. В.** Сочинения Растопчина графа Федора Васильевича. Спб., тип. А. Дмитриева, 1853. 364 стр.
89. **Тредьяковский В. К.** Сочинения Тредьяковского. Спб., тип. Воен. уч. зав., 1849. Т. 1-3. Т. 1. 806 стр.; т. 2. кн. 1. 492 стр.; т. 2, кн. 2. 492-886 стр.; т. 3. 774 стр.
90. **Фонвизин Д. И.** Сочинения Фон-Визина. Спб., тип. 2-го отд. собств. е.и.в. канц., 1846. 712 стр.
91. То же. Изд. 2-е. Спб., тип. Экспед. заготовл. гос. бумаг, 1847.
92. То же. Изд. 3-е. Спб., тип. Э. Веймара, 1852.
93. **Хемницер И. И.** Сочинения Хемницера. Спб., тип. Экспед. заготовл. гос. бумаг, 1847. 179 стр. — В одном томе с сочинениями Кантемира.
94. То же. Изд. 2-е. Спб., тип. Я. Трея. 1852. — Продавалось отдельно, а потом в 1854 году приброшюровывалось к сочинениям Гнедича и продавалось уже вместе.
95. **Хмельницкий Н. И.** Сочинения Хмельницкого. Спб., тип. Воен. уч. зав. и К. Крайя, 1849. Т. 1-3. Т. 1. 472 стр.; т. 2. 522 стр.; т. 3. 504 стр.

4. Альманахи и сборники

96. **Вчера и сегодня.** Литературный сборник, составленный гр. В. А. Соллогубом, изданный А. Смирдиным. Спб., тип. Акад. наук, 1845 — 1846. Кн. 1-2. (23 × 15). Кн. 1. Гравир. фронтиспис, 164 стр.; кн. 2. 182 стр.
97. **Новоселье.** Спб., тип. вдовы Плюшар с сыном, 1833 — 1834. Ч. 1-2. (21 × 13). Иллюстр. печатн. обложки. Ч. 1. Гравир. загл. л., 587 стр., 5 л. илл., ч. 2. Гравир. загл. л., 575 стр.
98. То же. Изд. 2-е. Спб., тип. Акад. наук, 1845 — 1846. Ч. 1-3. (23 × 14). Ч. 1. Гравир. загл. л., 444 стр., 4 л. илл.; ч. 2. Гравир. загл. л., 428 стр., 4 л. илл.; ч. 3. 504 стр., 4 л. илл. Первые две части повторяют первое издание, третья часть по содержанию новая.
99. **Русская беседа.** Собрание сочинений русских литераторов, издаваемое в пользу А. Ф. Смирдина. Спб., тип. Акад. наук, 1841 — 1842. Ч. 1-3. 21 × 14). Ч. 1. 674 стр.; ч. 2. 660 стр.; ч. 3. 634 стр. — везде раздельн. пагинации.
100. **Сто русских литераторов.** Спб., 1839 — 1845. (25 × 17).
Т. 1. Александров, Бестужев, Давыдов, Зотов, Кукольник, Полевой, Пушкин, Свинын, Сенковский, Шаховской. Тип. А. Смирдина, 1839. 830 стр., 10 л. портр., 10 л. илл.
Т. 2. Булгарин, Вельтман, Веревкин, Загоскин, Каменский, Крылов, Масальский, Надеждин, Панаев, Шишков. Тип. Бородина, 1841. 896 стр., 10 л. портр., 10 л. илл.
Т. 3. Бенедиктов, Бегичев, Греч, Марков, Михайловский-Данилевский, Мятлев, Ободовский, Скобелев, Ушаков, Хмельницкий. Тип. Э. Праца, 1845. 692 стр., 10 л. портр., 10 л. илл.
Экземпляры с портретом Бестужева — редки. Портрет изымался цензурой.

5. Журналы и газеты

101. **Библиотека для чтения.** Журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод, составленный из литературных и ученых трудов... [следует список сотрудников]. Издание книгопродавца Александра Смирдина. Спб., тип. вдовы Плюшар с сыном, 1834. Т. 1-6.
То же. 1835. Т. 1-13.
То же. 1836. Т. 14-19.
То же. 1837. Т. 20-25.
То же. 1838. Т. 26-31.
То же. 1839. Т. 32-37.

То же. 1840. Т. 38-43.

То же. 1841. Т. 44.

На последующих томах имя Смирдина, как издателя — отсутствует. Журнал продолжал выходить.

102. **Детский драматический вестник**. Ч. 1-8. Спб., тип. А. Смирдина, 1829. 52 книжки в год, или 8 частей, каждая с одной картинкой; 293, 299, 261, 283, 243, 260, 254, 267 стр.

Издавался так же в следующем 1830 году. Вышли части 9, 10, 11 и 12. В нашем собрании этих частей нет.

103. **Северная пчела**. Газета политическая и литературная. Спб., тип. Н. Греча, 1838. С № 1 по 297 включ. (Январь — декабрь).

А. Ф. Смирдин издавал эту газету только один год. До него и после ее издавали Ф. Булгарин и Н. Греч.

104. **Сын отечества** и **Северный архив**. Журнал словесности, истории и политики. Спб., тип. А. Смирдина, 1838. Т. 1-6.

Сын отечества. Спб., тип. А. Смирдина, 1839—1840.

1839. Т. 7-12.

1840. Т. 1-6.

В томе пятом — извещения о передаче журнала А. Ф. Смирдиным другому издателю — О. И. Сенковскому.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИИ

- Вклейка. — Портрет А. Ф. Смирдина, приложенный к «Сборнику литературных статей памяти А. Ф. Смирдина». Т. 1. Спб., 1858.
- Рис. 1. Ф. Булгарин. «Иван Выжигин». Спб., изд. А. Смирдина, 1829. Фронтиспис. Рис. А. Нотбек. Грав. С. Ф. Галактионов.
- Рис. 2. И. А. Крылов. «Басни». Спб., изд. А. Смирдина, 1834. Фронтиспис. Иллюстрация к басне «Василек» — портрет И. А. Крылова. Рис. А. П. Сапожников.
- Рис. 3. И. А. Крылов. «Басни». Спб., изд. А. Смирдина, 1835. Литографированная обложка.
- Рис. 4. Обед у А. Ф. Смирдина по поводу новоселья. Виньетка из сборника «Новоселье». Спб., 1833. Рис. А. Брюлов. Грав. С. Ф. Галактионов.
- Рис. 5. Г. Р. Державин. «Сочинения». Спб., изд. А. Смирдина, 1831. Фронтиспис 3-й части. Рис. А. Брюлов. Грав. И. Ческий.
- Рис. 6. «Детский драматический вестник». Спб., 1829. Титульный лист журнала, изд. А. Смирдина.
- Рис. 7. А. С. Пушкин. «Евгений Онегин». Спб., изд. А. Смирдина, 1833. Первое полное издание.
- Рис. 8. Н. В. Гоголь. «Вечера на хуторе близ Диканьки». Спб., изд. А. Смирдина, 1831. Обложка первого издания.
- Рис. 9. Библиотека для чтения и книжная лавка А. Ф. Смирдина. Деталь «Панорамы Невского проспекта» В. С. Садовникова. Литогр. на камне И. Иванов.
- Рис. 10. Книжная лавка А. Ф. Смирдина. Виньетка из сборника «Новоселье». Спб., 1834. Рис. А. П. Сапожников. Грав. С. Ф. Галактионов.
- Рис. 11. «Библиотека для чтения». Спб., изд. А. Смирдина, 1834. Титульный лист первой книжки журнала.
- Рис. 12. «Сто русских литераторов». Спб., изд. А. Смирдина, 1839. Титульный лист первого тома.
- Рис. 13. «Роспись российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина». Спб., 1828. Титульный лист и фронтиспис с портретом основателя библиотеки В. А. Плавильщикова.
- Рис. 14. Проспект библиотеки П. И. Крашенинникова, бывшей А. Ф. Смирдина. Издан в Спб. в 1859 г.
- Рис. 15. «Русская беседа». Спб., изд. А. Смирдина, 1841. Титульный лист первого тома сборника.
- Рис. 16. М. Ю. Лермонтов. «Сочинения». Спб., изд. А. Смирдина, 1847. Титульный лист первого тома сочинений, вышедших в серии «Полное собрание сочинений русских авторов».
- На обложке. — Иллюстрация на титульном листе сборника «Вчера и сегодня». Спб., изд. А. Смирдина, 1845. В окне изображен А. Ф. Смирдин.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
От автора	5
1. «Смирдинский период российской словесности»	7
2. Смирдин в деле и в жизни	16
3. Расцвет деятельности Смирдина	26
4. Смирдин-библиограф	42
5. История библиотеки Смирдина	48
6. Закат Смирдина	56
7. Последняя услуга русскому просвещению и смерть Смирдина	63
Примечания	69
<i>Приложение:</i> Краткий список изданий А. Ф. Смирдина	71
Перечень иллюстраций	79

